

ДОГОВОР С ЧУЖИМ ИМЕНЕМ

ЯРОСЛАВ АРДЕН

Ярослав Арден

Договор с чужим именем

«Автор»

2026

Арден Я.

Договор с чужим именем / Я. Арден — «Автор», 2026

Студент-историк Илья Веденин попадает в пограничный город, где двуязычные договоры обладают настоящей силой. Одна неверно переведённая строка может отнять дом, голос или свободу — а полководец уже готов назвать три мирных квартала живым залогом перемирия. Илья не знает местных языков чудесным образом. Ему придётся учиться у придворной толмачки и пленного писца, сравнивать старые грамоты и доказывать ошибки перед двумя враждующими сторонами. Путь домой существует, но для возвращения нужно стереть собственное имя — вместе со всеми словами, которыми он успел защитить город.

© Арден Я., 2026

© Автор, 2026

Содержание

От автора	5
Глава 1. Строка на полях	6
Глава 2. Толмач без языка	13
Глава 3. Два голоса одной клятвы	20
Глава 4. Квартал-залог	27
Глава 5. Люди в строке	35
Глава 6. Закрытое сословие	42
Глава 7. Пленный грамматик	48
Конец ознакомительного фрагмента.	54

Ярослав Арден

Договор с чужим именем

От автора

Мы привыкли думать, что ошибка перевода — это неловкость: смешное меню, неточная подпись, чужая фраза, которую пришлось переспросить. Но бывают слова, после которых человек теряет дом, свободу или право решать за себя. Особенно если перевод звучит при дворе, на суде или перед войском и никто, кроме нескольких посвящённых, не может проверить его.

Герой этой книги не знает всех языков и не получает такого дара вместе с попаданием в другой мир. Он умеет другое: сомневаться в удобной версии, сравнивать документы, искать поздние вставки и говорить «я пока не знаю». Эти навыки редко выглядят героическими. И всё же иногда именно они не позволяют превратить людей в примечание к большому государственному замыслу.

«Договор с чужим именем» — приключенческий роман о цене публичного слова. Здесь магия договора сильна не потому, что чернила светятся, а потому, что названные люди вынуждены жить с последствиями чужой формулировки. Поэтому главный вопрос не в том, кто произнёс заклинание точнее. Вопрос в том, кто услышал перевод, кто мог возразить и чьё имя поставили под строкой.

У этой истории есть осада, дворцовые коридоры, пленники, пожар и путь между мирами. Но её решающие сражения происходят за столом, на площади и в архиве. Там приходится выбирать между скоростью и проверкой, между тайной специалиста и правом города понимать собственный договор, между дорогой домой и ответственностью за слова, которые уже стали частью чужой жизни.

Я надеюсь, что за приключением будет слышна простая мысль: ясность — не украшение речи. Когда решение касается других, ясность становится формой честности.

Глава 1. Строка на полях

Чернила проступили под холодным светом только после полуночи.

Илья Веденин выключил верхнюю лампу, накрыл голову и стол чёрной тканью и снова подвёл фонарь к краю грамоты. Фиолетовый луч лёг поперёк потемневшей кожи. Основной текст остался бурым и плоским, зато между двумя нижними строками появилась тонкая приписка. Буквы были мелкими, с длинными хвостами, будто писец экономил не место, а дыхание.

— Ну здравствуй, — прошептал Илья.

В читальном зале никто не ответил. За тканью гудела вытяжка, в дальнем окне дрожал белый октябрьский дождь. Настенные часы Исторического архива показывали двадцать три сорок семь. Практика закончилась почти пять часов назад, но хранительница разрешила ему остаться: утром грамоту забирали на выставку, а приписку в старом описании отметили одним словом — «неразборчиво».

Грамота не была великой находкой. Копия пограничного соглашения конца шестнадцатого века, без царских подписей и красивых печатей. Слева шёл русский текст, справа — перевод на язык соседнего княжества, давно исчезнувшего с карт. Илью зацепило не содержание, а несовпадение строк. В русской половине деревня получала право укрывать беглецов во время набега. В соседней повторялось слово, которое в других документах означало то заложника, то залог земли.

На семинаре преподаватель сказал, что переводчик, вероятно, выбрал широкое значение. Илья кивнул вместе со всеми, а вечером заказал ещё три дела.

Теперь приписка отвечала ему из темноты.

Он установил телефон на стойку, положил рядом серую шкалу и сделал снимок. Потом второй, чуть изменив угол. Касаться кожи без перчаток было нельзя, хотя современные правила уже не требовали белой хлопчатой театральности: на Илье были тонкие синие перчатки. Он подвинул грамоту только за подложку.

Приписка начиналась знакомым сокращением: «Толковано...» Дальше шло имя, затем слово с расплывшимся концом. Илья открыл на ноутбуке снимок, поднял резкость и сравнил буквы с основной рукой.

Писал другой человек. Позже. Возможно, через неделю, возможно, через пятьдесят лет.

Он прочитал по складам:

— Толковано убежище... не как...

Последнее слово уходило под край старой заплаты. Реставратор укрепил разрыв тонкой полупрозрачной бумагой ещё в семидесятые. Поднимать её было нельзя. Илья сменил фонарь на боковой белый свет. Волокна дали длинные тени, но буквы скрылись.

На экране телефона пришло сообщение от сестры: «Ты живой? Мама спрашивает».

Илья набрал: «В архиве. Через час поеду». Отправлять не стал. Если написать правду, сестра снова напомнит, что последний автобус уйдёт через двадцать минут. Если соврать про такси, она спросит, откуда у вечного студента деньги.

Он убрал телефон и снова накрыл стол тканью.

Под фиолетовым светом заплатка стала молочно-серой. Приписка обрывалась, но с другой стороны проступал ещё один знак. Не буква основной строки — слишком высокий, похожий на раздвоенный столб. Илья нашёл его в правой половине грамоты, возле каждого имени.

Знак стороны договора.

— Толковано «убежище» не как залог стороны, — медленно произнёс он.

Это уже было не широкое значение. Кто-то специально уточнил, что людей нельзя считать обеспечением договора. Только уточнение не вошло ни в основной русский текст, ни в перевод.

Илья потянулся к блокноту. Край перчатки зацепил кабель фонаря. Тот качнулся, ударился о стойку и покатился к грамоте.

Илья поймал его над самой кожей.

Фиолетовый свет ударил прямо в раздвоенный знак.

Линия вспыхнула белым.

Он успел подумать, что испортил документ. Потом стол провалился.

Не опрокинулся — исчез под локтями. Чёрная ткань взлетела к лицу, вытяжка взревела так, будто за стеной открыли шлюз. Илья дёрнулся назад, но стул тоже исчез. Спина ждала удара о пол и не встретила его.

В лицо пахнуло горячим воском.

Он упал на колени.

Под ладонями был не линолеум читального зала, а холодный камень, посыпанный мелким песком. Синяя перчатка на правой руке порвалась у большого пальца. Фонарь ещё горел, только его свет теперь скользил по сапогам, длинным одеждам и ножнам.

Кто-то закричал.

Илья поднял голову.

Он стоял на коленях посреди большого зала. Каменные стены уходили вверх на два этажа, окна были узкими и открытыми ветру. По обеим сторонам тянулись скамьи. На них сидели люди в плащах, стёганных куртках, меховых шапках. Перед Ильёй возвышался стол, за которым трое судей смотрели так, будто он вылез из-под пола. Между судьями лежал раскрытый лист, прижатый чёрной печатью величиной с блюдо.

Слева от стола на коленях стоял связанный человек. У него была разбита губа. За его спиной солдат уже вынимал меч.

Илья машинально поднял обе руки.

— Тихо. Я ничего не трогаю.

Слова прозвучали нелепо даже для него.

В зале заговорили. Язык был незнакомым, но не совершенно чужим. Среди шипящих и коротких гласных иногда слышалось что-то похожее на старые русские формы. Илья поймал «суд», «имя» и, возможно, «лазутчик». Последнее могло быть просто созвучием.

Солдат шагнул к нему. На острие меча дрогнул свет свечей.

Илья положил фонарь на пол и медленно стянул вторую перчатку. Голые ладони в любом языке выглядели понятнее карманов.

— Илья, — сказал он, касаясь груди. — Илья.

Солдат ответил короткой фразой и поднёс меч к его шее.

За судейским столом встала женщина в тёмно-зелёном платье. Ей было около тридцати. Волосы убраны под узкую кожаную ленту, на груди висели две костяные дощечки с разными письменами. Она произнесла несколько слов, и солдат остановился.

Женщина показала на фонарь.

Илья не знал, чего от него ждут. Он поднял фонарь за корпус, направил луч на собственную ладонь, выключил и включил. По залу прошёл испуганный шум. Кто-то перекрестился незнакомым знаком — коснулся лба и обеих ушей.

Женщина подошла ближе. Она не смотрела на свет. Её интересовали слова на корпусе фонаря: маленькая наклейка с названием производителя и предупреждением о батарее.

— Читаешь? — спросила она.

Слово было другим, но жест — два пальца от глаз к буквам — не оставлял сомнений.

— Читаю, — ответил Илья. Потом показал на себя, на наклейку и кивнул.

Она указала на лист перед судьями.

Связанный человек что-то сказал. Солдат ударил его рукоятью между лопаток. Женщина резко обернулась и произнесла одну фразу. Илья различил повторяющееся слово: «Орс».

Имя. Так называли пленного или обращались к судье.

Старший судья стукнул костяным жезлом. Женщина вернулась к столу, взяла лист и встала между Ильёй и связанным человеком. Сначала прочла строку на языке зала. Затем повернулась к пленному и произнесла другую строку — с более твёрдыми согласными и долгими гласными.

Илья не понимал смысла, но услышал устройство. Одинаковыми оставались имя «Орс», название «Ладен» и слово, похожее на «север». В первой строке после «север» звучало «ворота». Во второй — совсем другое слово, «мара» или «мера».

Пленный вскинул голову и быстро заговорил. Солдат дёрнул его за верёвку.

Женщина повторила перевод медленнее. Пленный покачал головой и сказал два слова, разделяя их ладонью:

— Мара. Вара.

Она ответила:

— Вара.

Он снова покачал головой и показал связанными руками сначала направо, где виднелась дверь, затем вниз, на каменный пол.

Илья забыл о мече у шеи. Перед ним был знакомый спор — не по словам, по способу. Один человек утверждал, что назвал место правильно. Другой делил два значения жестом, но его не слушали.

Старший судья поднял руку. Солдат возле пленного перехватил меч обеими руками.

Илья посмотрел на лист. В двух строках повторялся один и тот же раздвоенный знак, который он видел на грамоте. После него стояло имя Орса. Ниже шла короткая запись двумя почерками. Слева встречался знак, похожий на ворота: две стойки и перекладина. Справа — круг с точкой и три волнистые черты.

Он указал на левый знак.

— Вара?

Женщина замерла.

Пленный быстро кивнул:

— Вара. Вара Ладен.

Илья показал на раскрытую дверь зала.

— Вара?

Женщина медленно кивнула.

Тогда он указал на правый знак — круг над волнистыми линиями.

— Мара?

Пленный ударил связанными ладонями по полу и повторил:

— Мара! Север мара!

Женщина ответила резко. В её фразе прозвучало «север вара».

Илья схватил с пола свой блокнот. Солдат двинул меч, но женщина остановила его жестом. Илья нарисовал прямоугольник двери, рядом — условную башню с воротами. Под ними написал «ВАРА». Ниже нарисовал волнистую линию, стрелку вниз и слово «МАРА».

Показал пленному.

Тот ткнул связанным пальцем во второй рисунок.

— Север мара.

Потом указал в сторону, противоположную двери, и произнёс ещё несколько слов. Илья различил одно имя и число — возможно, «три».

Женщина забрала блокнот. Рассмотрела рисунки, затем поднесла лист к свече. У правой строки, там, где Илья заметил круг и воду, темнела узкая царапина. Кто-то соскоблил верх знака. Без него круг мог стать похожим на ворота.

Она провела ногтем по повреждённому месту.

— Старое? — спросил Илья и показал: провёл пальцем по столу, сдул воображаемую пыль. Затем изобразил, будто царапает только что.

Женщина поняла. Смочила палец и коснулась царапины. На коже осталась чёрная крупинка.

Свежая.

Она заговорила с судьями. Старший нахмурился, второй потянул лист к себе. Третий посмотрел на писца, сидевшего у стены. Писец побледнел.

Солдат всё ещё держал меч над пленным.

Старший судья произнёс короткий приказ.

Меч поднялся.

Илья не знал, велели казнить или остановиться. Женщина тоже не была уверена: она шагнула к судье, но двое стражников преградили ей дорогу.

Тогда Илья сделал единственное, что умел.

Он схватил лист со стола.

Зал взорвался криками. Солдат у его плеча ударил рукоятью. Боль вспыхнула над ухом, ноги подломились, но Илья успел отдёрнуть документ от свечи. Чёрная печать сдвинулась по пергаменту и прижала оба текста сразу.

Линии на листе засветились.

Не ярко, как фонарь. Свет шёл внутри волокон, тонкий и красноватый. Левая строка поднялась над кожей дымным следом. Правая — следом за ней. У знака ворот они сошлись. У соскобленного знака разошлись в разные стороны.

Пленный Орс вскрикнул и упал на бок. Верёвка на его руках натянулась сама собой, потащила к двери. Одновременно писца у стены рвануло вниз. Его ладони прижало к столу, хотя он пытался оторвать их.

Женщина в зелёном схватила печать и отняла от листа.

Свет погас. Верёвка ослабла.

В наступившей тишине было слышно тяжёлое дыхание Орс.

Илья лежал на камнях, прижимая ладонь к голове. Пальцы стали мокрыми. Он посмотрел на них — кровь, немного. Сознание не плыло, тошноты не было. Значит, пока терпимо.

Женщина опустилась рядом. Взяла его за подбородок, повернула лицо к свету и осмотрела висок. Потом сказала что-то солдату таким голосом, что тот убрал меч.

Старший судья задавал вопросы. Она отвечала, показывая на царапину, писца и Орс. Илья узнавал повтор: «вара», «мара», «север». Теперь он понял хотя бы предмет спора. В обвинении говорилось, что Орс поймали у северных ворот. Его собственные слова называли другое место — возможно, северный колодец, ров или берег.

Название места было не мелочью. Если бы его схватили у ворот, он мог быть лазутчиком. Если у воды — пленным, рабочим или человеком, искавшим путь к реке.

Писца подняли со скамьи. У него тряслись руки. Один из судей спросил, кто царапал строку. Писец указал на солдата за спиной Орс.

Тот выругался и потянулся к мечу.

Сразу четверо стражников навели на него копья. Солдат отпустил рукоять.

Орс не развязали, но отвели от середины зала и дали сесть у стены. Казнь остановили.

Илья почувствовал облегчение — и тут же испугался его. Он не знал, виновен ли Орс в чём-то другом. Не знал, что именно заставила сделать печать. Он всего лишь заметил испорченный знак. Этого хватило, чтобы изменить решение суда, но не хватало для понимания происходящего.

Женщина помогла ему сесть. Показала на себя.

— Ная Рем.

— Ная, — повторил Илья.

Она коснулась одной костяной дощечки на груди и произнесла слово. Потом второй — другое. Затем провела пальцем между ними.

— Толмач? — предположил он.

В старых русских текстах слово означало переводчика. Возможно, здесь звучало почти так же, а возможно, Ная решила, что он называет её дощечку. Но она кивнула.

— Толмач Ная Рем.

Илья показал на себя.

— Илья Веденин. Историк. Студент.

Последние слова ничего ей не сказали. Он раскрыл блокнот на чистой странице, нарисовал свиток, старую букву и человека, который читает. Потом изобразил себя рядом.

Ная посмотрела на рисунок.

— Писец?

— Нет. То есть иногда. Историк.

Он нарисовал рядом три свитка: целый, порванный и склеенный. Провёл стрелку от старого к новому. Ная долго изучала страницу, потом произнесла слово, похожее на «летописец».

Илья покачал головой, но не стал спорить. Сейчас «летописец» было достаточно безопасным приближением.

Двое стражников подняли с пола фонарь. Один попытался заглянуть в свет и получил фиолетовым лучом в глаза. Илья торопливо выключил прибор.

— Батарей, — сказал он без пользы. — Потом кончится.

Ная забрала фонарь у стражника и вернула Илье. Затем потребовала блокнот. Он отдал. Она перелистала исписанные страницы: выписки из описей, сравнение слов, список дел на неделю, номер телефона реставратора. Остановилась на фотографии грамоты, распечатанной и вклеенной между заметками.

Её лицо изменилось.

Ная поднесла страницу к свече. На фотографии была та самая двуязычная грамота, только выцветшая, с разрывом и поздней заплатой. Она указала на раздвоенный знак внизу, потом на чёрную печать на судейском столе.

Знаки совпадали.

— Откуда? — спросила она. Это слово Илья понял по одному только тону.

Он показал вверх, потом покачал головой. Нарисовал прямоугольник архивного стола, лампу, себя над грамотой. Коснулся на фотографии приписки и указал на каменный пол, изображая падение.

Ная не поверила. Или поверила слишком быстро и испугалась.

Она подозвала старшего судью. Тот посмотрел фотографию, затем приказал принести что-то из боковой комнаты. Два служителя внесли деревянный ящик. Из него достали свёрнутую кожу, закреплённую между досками.

Илья увидел знакомую дыру в левом углу прежде, чем документ развернули полностью.

Это была не его грамота. Эта выглядела новой: кожа светлая, чернила чёрные, края ещё не истёрлись. Но строки, разрыв и раздвоенный знак совпадали. Не было только приписки на полях и бумажной заплаты.

Он положил рядом раскрытый блокнот. Судья, Ная и двое писцов наклонились над изображениями.

Оригинал и фотография старой копии одного и того же договора. Или один документ в двух временах.

Илья почувствовал, как холод проходит от затылка к спине. До этого момента он ещё мог придумать объяснение: съёмка, реконструкция, удар головой, очень убедительный сон. Фотография нового на вид документа с будущими повреждениями не оставляла удобной версии.

Он действительно оказался не там.

Сестре он не отправил сообщение.

Мысль пришла так просто, что стало большее, чем от удара. Телефон остался на стойке возле архивного стола. На экране — «Ты живой?». Через час сестра позвонит. Потом хранительнице. Потом матери. Они найдут чёрную ткань, включённый ноутбук, перчатку, но не его.

Илья полез в карман. Телефона не было. Только студенческий билет, ключи, проездной и карандаш. Он выложил всё на камень. Пластиковые карточки вызвали новый шум.

Ная взяла студенческий билет за край. На нём было его лицо, имя и дата рождения. Она прочла кириллицу медленно, с ошибками, но прочла:

— Иль-я... Ве-де-нин.

Потом посмотрела на фотографию грамоты.

— Книга сторон, — сказала она, указывая на древний раздвоенный знак.

Илья не понял слов, но запомнил их звучание.

Старший судья совещался с двумя другими. Спорили недолго. Ная переводила Илье решение жестами и отдельными понятными словами. Его не убьют. Его отведут в архив. Дверь — закрыть. Стража — двое. Утром — вопросы.

— Орс? — спросил Илья и показал на пленного.

Ная ответила длинно. Он разобрал «суд» и «утро».

— Не казнить сейчас?

Он провёл пальцем по горлу и покачал головой.

Она поняла.

— Не сейчас. Новый суд утром.

Фраза была ломаной, собранной из слов двух языков, но смысл дошёл.

Орс сидел у стены, прижимая связанные руки к животу. Илья показал ему рисунок ворот и воды. Потом указал на себя и развёл ладони: не знаю.

Орс ответил на своём языке. Медленно. Указал на рисунок воды, затем на северное окно. Потом произнёс имя:

— Орс Дален.

— Илья Веденин.

Они не пожали друг другу руки. Между ними стояла стража.

Ная повела Илью к боковой двери. На пороге он оглянулся на судейский стол. Чёрная печать снова лежала между двумя текстами. Теперь её накрыли железной чашей, словно опасный уголь.

Писец, обвинивший солдата, что-то объяснял судьям. Солдат молчал под копытами. Остановленная казнь не превратила зал в справедливое место. Она только дала людям до утра.

Коридор за дверью был узким. В бойницах серел рассвет. Где-то далеко били в большой колокол, и на каждый удар снаружи отвечал другой, более глухой. Ная заметила, что Илья слушает, и показала сначала за одну стену, затем за другую.

— Ладен, — сказала она. Потом подняла два пальца и добавила новое слово.

Илья решил, что речь о двух берегах или двух воротах. Позже выяснит.

Они прошли мимо окна. За ним лежал город с крутыми крышами и внутренней стеной. Ещё дальше, за туманной рекой, горели сотни костров. Не утренние печи — слишком ровные ряды.

Военный лагерь.

У дальних ворот двигались телеги, люди таскали камни на стену. На башне развевались два флага: один тёмный, с белой полосой; другой выцветший красный. Между ними на цепи висела огромная печать, похожая на ту, что лежала в суде.

Илья указал на костры.

— Война?

Слово оказалось понятным. Ная кивнула.

Потом показала на документ в его блокноте и на печать над воротами.

— Мир, — сказала она. — Три дня.

Вот что означали два поднятых пальца — Илья ошибся даже в простом жесте. Ная добавила третий.

Три дня до переговоров о мире.

Илья посмотрел на фотографию грамоты, где поздняя рука предупреждала: убежище не следует толковать как залог стороны. Перед ним, в деревянном ящике суда, лежал тот же документ ещё без предупреждения.

Значит, приписку сделают позже. После ошибки. После чьей-то попытки объяснить, что означало слово.

Возможно, после того, как исправлять будет уже некого.

Ная открыла окованную дверь архива. Внутри на полках стояли сотни свёрнутых кож, дощечек и книг. У противоположной стены лежал широкий том под двумя цепями. На его обложке был вырезан раздвоенный знак.

Тот самый, который вспыхнул под фонарём.

Илья вошёл. Стражники закрыли дверь снаружи.

Ная осталась с ним. Положила на стол два чистых листа, уголь, кружку воды и простой деревянный нож для разрезания печатей. Потом указала на себя, на Илью и на документы.

— Утро, — сказала она. — Учить.

Он кивнул.

У него было три дня до договора, языка он почти не знал, а единственное предупреждение о цене ошибки существовало пока только на фотографии из другого мира.

Глава 2. Толмач без языка

Ная начала с кружки.

Она поставила её на середину стола, коснулась пальцем края и произнесла:

— Лор.

Илья записал слово русскими буквами. Ная нахмурилась, развернула лист к себе и рядом вывела три местных знака. Первый напоминал согнутую ветку, второй — раскрытые ножницы, третий — маленькую чашу. Потом снова постучала по кружке.

— Лор.

— Кружка, — ответил Илья и написал своё слово.

Она показала на кувшин.

— Лор.

Илья зачеркнул «кружка».

— Посуда? Сосуд?

Ная не поняла вопросов. Она налила воду в кружку, указала на струю и сказала другое слово:

— Иш.

Потом выплеснула немного на каменный пол и повторила:

— Иш.

Вода. Здесь сомнений почти не оставалось. Илья подписал рисунок и поднял большой палец. Ная никак не отозвалась на жест. Взяла пустую кружку, перевернула её и сказала:

— Лор.

Значит, не «полный», не «пить» и не вода вместе с посудой. Скорее всего, сосуд. Но после ошибки с поднятыми пальцами в коридоре Илья не хотел принимать даже очевидное без проверки.

Он показал на чернильницу.

— Лор?

Ная покачала головой.

На деревянную миску — кивнула. На ящик — снова покачала. Потом принесла с полки узкий глиняный горшок. Лор. Получалась посуда, из которой пьют или едят, но не любая ёмкость.

Илья нарисовал кружку, миску и горшок в одном круге, чернильницу и ящик — в другом. Ная посмотрела и впервые за утро одобрительно ударила ногтем по столу.

Проверка продолжалась.

Деревянный нож назывался «тев». Железный нож стражника — тоже «тев». Перо оказалось «раш», но такое же слово Ная произнесла, коснувшись собственных волос. Илья решил, что это «волос» или «перо», пока она не положила перо на стол и не провела пальцем по его стержню. Возможно, слово означало тонкую жёсткую нить. Он поставил рядом вопросительный знак.

Ная заметила его и спросила что-то короткое.

— Не знаю, — сказал Илья.

Он развёл ладони, покачал головой и ещё раз указал на знак вопроса.

Она повторила его русский ответ:

— Не знаю.

— Да. Не знаю.

Ная записала два слова кириллицей, старательно копируя буквы. Потом указала на Илью, на перо и вопросительно подняла бровь.

— Не знаю.

На этот раз она улыбнулась. Совсем немного, одним уголком рта.

Илья понял устройство испытания. Ная не собиралась за одно утро научить его языку. Она выясняла, будет ли он угадывать и выдавать догадку за знание. Для судебного толмача это, вероятно, было важнее размера словаря.

Он перечеркнул половину прежних пометок и завёл три знака. Круг означал «проверено на нескольких предметах». Треугольник — «догадка». Косая черта — «не различаю». Нарисовал легенду на краю листа и показал Нае. Та потребовала объяснить без общих слов. Илья указал на воду в кружке, на воду на полу и на каплю на пальце, после каждой произнося «иш», а потом обвёл круг. Затем коснулся пера, волос и поставил треугольник.

Ная кивнула. Взяла лист и возле его треугольника написала местное слово. Произнесла медленно:

— Раш — тонкое от живого.

Последние три слова она собрала из жестов и тех немногих общих корней, которые Илья уже узнавал. Перо было частью птицы, волос — частью человека. Когда их срезали, название сохранялось. Черта пера и волоса оказалась не внешней формой, а происхождением.

— Вот ведь, — пробормотал Илья. — С картинкой не угадаешь.

Ная услышала интонацию и указала на треугольник.

— Не знаю, — повторила она по-русски.

— Уже знаем. Немного.

Через час стол был заставлен предметами. Ная двигала их, прятала под ткань, передавала из руки в руку. Одно и то же слово менялось в зависимости от того, лежала ли вещь сама или принадлежала кому-то. У существительных появлялись окончания. Имена в её языке тоже менялись, и это пугало сильнее всего: Орс, которого вчера называли Орсом, в записи обвинения мог выглядеть иначе.

Илья попросил студенческий билет. Ная достала карточку из кожаного мешочка на поясе. Возвращать в руки не стала, положила перед собой.

Он ткнул пальцем в своё имя.

— Илья Веденин.

Потом показал на себя.

— Илья Веденин.

Ная указала на него и сказала:

— Илью Веденина.

Почти по-русски, только ударения были другими. Он невольно рассмеялся.

— У вас тоже склоняется?

Она не поняла, но повторила форму, затем написала имя местными знаками. Следом добавила короткий хвост к последнему знаку и указала на дверь. Илья догадался: «вести Илью» или «Илья идёт». Ещё один хвост — указание на принадлежность или вину.

Имя не было неподвижной меткой. В договоре оно могло обозначать того, кто действует, того, кем распоряжаются, и того, на кого падает долг. Ошибка в одном штрихе превращала человека из свидетеля в имущество.

Дверь архива открылась. Один из стражников внёс хлеб, сыр и горячую похлёбку. Второй остался на пороге, не снимая ладони с рукояти меча. Ная сказала ему несколько слов. Илья услышал своё имя и знакомое «не знает». Стражник фыркнул.

Он был молод, немногим старше Ильи, с плохо зажившим порезом на подбородке. Вчера именно он пытался смотреть в ультрафиолетовый фонарь. Теперь его глаза слезились, и он щурился на свет от окна.

Илья указал на фонарь, потом на глаза стражника.

— Болит?

Тот отступил и выругался. Ная резко перехватила Илью за запястье. Пальцы у неё были холодные и сильные.

— Не свет, — сказал Илья. — Я не буду.

Он положил фонарь на стол и отодвинул. Ная отпустила руку, но потребовала открыть прибор. Илья отвинтил крышку, вынул батареи и разложил отдельно. Показал: без них кнопка не действует. Стражник всё равно держался у двери.

Ная взяла одну батарейку. Покатала по ладони, понюхала, осторожно коснулась концом воды. Илья отобрал её прежде, чем она успела опустить металл в кружку.

— Нельзя. Не пить.

Он нарисовал молнию, перечеркнул кружку, затем изобразил глаза и яркий луч. Получалось страшнее, чем обычная карманная лампа заслуживала, зато Ная убрала батарейку в сухую тряпицу.

Стражник произнёс короткую насмешливую фразу. Илья разобрал слово, похожее на «колдун». Ная ответила, указывая на разобранный фонарь. Стражник пожал плечами: для него вещь, которая светила невидимым фиолетовым огнём, оставалась колдовской независимо от количества частей.

Ели молча. Илья понял, насколько голоден, только когда проглотил половину миски. Похлёбка пахла луком и дымом. Хлеб был плотным, с семенами, сыр — слишком солёным. Ная ела медленнее и всё время смотрела на его левую руку.

Он проследил за её взглядом. На коже возле большого пальца проступала тонкая красная линия. Она появилась после того, как он схватил судебный лист и печать прижала два текста. Линия повторяла половину раздвоенного знака.

Илья потёр ладонь. След не исчез.

Ная отставила миску и потребовала руку. Осмотрела, провела ногтем по красной черте. Кожа болела, как после неглубокого пореза, хотя раны не было.

— Печать, — сказала она.

Слово он уже знал. Ная показала на ладонь, затем на фотографию грамоты и произнесла длинную фразу. Илья разобрал только «сторона» и «имя».

— Я ничего не подписывал.

Она указала на лист, потом изобразила, как он вчера схватил его обеими руками.

— Не имя. Рука.

— Рука считается именем?

Ная покачала головой. Взяла два ломтя хлеба и положила по краям стола. Один назвала «Ладен», другой — словом, которое Илья записал как «Керн». Между ними поставила кружку-печать. Затем взяла две крошки и назвала разными именами. Каждая крошка коснулась кружки. После этого Ная подняла кусочки хлеба и соединила.

Две стороны, два человека, одна печать. Так заключали договор.

Илья указал на свою ладонь.

Ная убрала одну крошку и вместо неё положила щепку без имени. Коснулась ею кружки, но хлеб не соединила. Потом поставила крошку обратно и произнесла имя. Только тогда сдвинула ломти.

— Рука без имени не сторона, — догадался Илья.

Она, кажется, поняла. Кивнула и добавила ещё одно условие: сначала произнесла фразу над одним ломтем, потом другую над вторым. Фразы были разными по звучанию, но одинаковыми по длине. Лишь после этого имена и печать.

Илья нарисовал последовательность. Два текста. Два чтения. Имена. Касание общей печати. Ная исправила порядок: имя называли перед чтением и подтверждали после. Илья перерисовал.

На полях он написал: «Вчера не договор. Проверка?»

Показать смысл оказалось трудно. Он воспроизвёл сцену хлебными ломтями, но не назвал имён. Потом коснулся кружкой двух нарисованных слов и изобразил, как верёвка тянет Орса к двери.

Ная поняла. Ответила медленно, подбирая уже известные ему слова. Вчера суд не заключал договор; судьи проверяли старую присягу Орса. Та присяга обязывала его не входить в Ладен через ворота с оружием. Если его нашли у ворот, нарушение тянуло его к месту суда и отдавало под власть меча. Если у водосброса — присяга не действовала.

Илья пересказал рисунками. Ная поправила: не водосброс, а северный водяной ход под стеной. Орс был писцом при неприятельской армии, но в город попал как пленный после обвала берега. Солдат перенёс место задержания к воротам, чтобы суд счёл его лазутчиком.

— А писец подчистил знак, — сказал Илья.

Ная написала два имени. Одно принадлежало солдату, другое — судебному писцу. Между ними провела линию и нарисовала три маленькие монеты.

Теперь Илья видел всю простую грязь под чудом. Солдат заплатил писцу. Писец изменил один знак. Печать не отличала ложь от истины; она исполняла разницу между произнесёнными значениями и прежней клятвой. Магия не делала суд справедливым. Она всего лишь придавала человеческой формулировке силу верёвки.

— Очень удобная штука для мерзавцев, — сказал он.

Ная спросила взглядом.

Он нарисовал человека с мешком монет, второго с пером и третьего на верёвке. Потом ткнул в печать.

Она не улыбнулась. Сложила рисунок вчетверо и убрала за пазуху.

После еды проверка изменилась. Ная перестала показывать отдельные вещи и вынесла из шкафа четыре коротких распоряжения. Все были написаны двумя столбцами. Илья не мог прочесть ни одного целиком, но уже узнавал повторяющиеся имена, числа и знак Ладена.

Ная положила рядом четыре деревянные бирки от архивных свёртков. На каждой стоял год, имя составителя и одно из мест города. Требовалось подобрать бирки к распоряжениям.

— Я языка не знаю, — напомнил Илья.

— Не знаешь, — согласилась она по-русски и подтолкнула листы.

Задание было не на перевод.

Илья начал с имён. На двух листах повторялся один судья, на третьем стояло имя женщины, на четвёртом — другое мужское. На бирках имена были в иной форме, с окончаниями. Он нашёл общие середины знаков и разделил пары. Затем сравнил числа. Местные писали десятки отдельным значком, похожим на гребень. На одном распоряжении была дата, совпадавшая с биркой. Ещё две пары сложились по названиям мест: знак ворот он уже видел, водяной ход узнал по кругу и волнам.

Последний лист не подходил ни к одной бирке.

Илья проверил ещё раз. Имя совпадало, год тоже, но место различалось одним верхним штрихом. Почти как вчера в обвинении Орса.

Он не стал выбирать ближайший вариант. Отложил лист и бирку в разные стороны, поставил между ними треугольник.

Ная ждала.

— Похоже, но не то, — сказал он. — Или ошибка. Или я не знаю второго значения.

Она взяла бирку и соскоблила с неё тонкий слой воска. Под верхним знаком открылся другой. Подделка была приготовлена заранее.

Илья посмотрел на неё.

— Вы знали.

Ная собрала три правильные пары, а поддельную оставила перед ним. Потом достала из рукава маленькую медную пластину с печатью Палаты толмачей. На обороте стоял тот же знак, что обнаружился под воском.

Проверяла не только его. Проверяла, заметит ли чужак подмену, которой пользовались свои.

Она произнесла несколько фраз, уже не упрощая речь. Илья остановил её ладонью.

— Медленно. Коротко.

Ная раздражённо выдохнула, но повторила по частям. Илья вылавливал знакомое, рисовал остальное. Палата считала его либо чужим лазутчиком, либо человеком, связанным с Книгой сторон. До выяснения его хотели передать военным. Ная убедила судей дать ей утро на проверку. Если он лжёт о незнании языка, это обнаружится. Если действительно не знает, но различает испорченные документы, он может быть полезен в архиве.

— Полезен, — повторил Илья. — И заперт.

Она указала на дверь и кивнула.

— Пленник?

Ная задумалась. Написала слово, которым вчера называли Орса, и зачеркнула. Потом другое — для преступника — и тоже зачеркнула. Третье слово произнесла как «хранимый».

— Под охраной, — перевёл Илья для себя. — Очень вежливый пленник.

Он подошёл к окну. Решётки не было, но проём находился высоко над внутренним двором. По стене ходили часовые. За крышами поднимался дым неприятельского лагеря.

Три дня. На Земле за это время его объявят пропавшим. Здесь за три дня успеют подписать договор, на полях которого когда-нибудь появится предупреждение. Он не знал, вернёт ли его тот же знак. Не знал, сколько лет разделяло новую грамоту и её фотографию. Зато теперь знал, что местная печать не распознаёт добрые намерения. Она следует словам и именам.

Ная положила перед ним последний лист. Это была фотография из блокнота, рядом — местный оригинал. Она указала на позднюю приписку на снимке.

— Читай.

— По-вашему не могу.

Она указала на кириллические заметки Ильи возле фотографии.

Он прочёл вслух:

— «Убежище стороны не есть залог стороны. Названные под защитой не отвечают телом за нарушение межи».

Ная слушала, не понимая русских слов. Тогда Илья нарисовал дом. Под крышу поместил несколько фигурок. Над домом — щит. Рядом изобразил столб на границе и верёвки от него к людям. Между рисунками поставил знак «не равно».

Ная долго смотрела. Потом взяла уголь и рядом с домом написала местное слово. Илья записал звучание:

— Арден.

Возле столба она написала другое:

— Карден.

Слова отличались первым звуком. Для Ильи — достаточно, чтобы слышать разницу. Для человека в шумном зале, возможно, почти одинаково.

Ная несколько раз перечитала приписку, заставляя его повторять и показывать рисунки. Затем раскрыла новый договор, тот самый, который вчера вынули из ящика. Нашла строку. В левом столбце стояло «арден». Во втором — слово с начальным знаком «к».

Карден.

Убежище в одном языке. Залог в другом.

Илья почувствовал, как холодеет спина.

— Вы это видите?

Ная закрыла строку ладонью, словно их могли подслушать чернила. Потом быстро свернула договор и убрала в ящик.

Дверь распахнулась прежде, чем она успела запереть крышку.

В архив вошёл высокий мужчина в чёрном военном кафтане. Он двигался без спешки человека, которому не приходится ждать разрешения. За ним следовали двое солдат и сухой старик с костяными дощечками Палаты на груди.

Ная встала. Старик потребовал отчёта. Военный рассматривал Илью, разобранный фонарь и листы со значками. На его перчатке серебром был вышит пограничный столб.

Ная отвечала коротко. Илья узнал своё имя, «язык», «не знает» и «архив». Про подмену убежища она не сказала.

Старик подошёл к столу и выбрал лист с четырьмя распоряжениями. Увидел раскрытую поддельную бирку. Его рот стал тонкой линией.

Он спросил Илью что-то на языке Ладена.

Илья уловил лишь «имя».

— Илья Веденин.

Старик повторил вопрос на языке Орса. Илья не понял ни слова.

— Не знаю.

Тогда старик неожиданно заговорил на ломаном, но понятном русском:

— Ты пришёл по книге. Кто послал?

Илья так удивился, что не ответил сразу.

Ная смотрела на старика не менее пристально. Значит, не знала, что тот способен говорить по-русски — или на языке, который за века станет похож на русский.

— Никто не посылал. Я был в архиве. У себя.

— Где «у себя»?

— Не знаю, как вам объяснить. В другом месте. Возможно, в другом времени.

Старик перевёл ответ военному. Тот впервые подал голос. Его звали Велимир Стог — Илья понял это, когда Ная произнесла обращение. Полководец не повысил тона, но солдаты у двери выпрямились.

Сток указал на фотографию и задал вопрос.

Старик перевёл:

— Почему твоя вещь знает договор, который ещё не заключён?

— Потому что у меня он старый. Я работал с ним как с историческим документом.

— И что он говорит о мире?

Илья посмотрел на Наю. Она едва заметно покачала головой. Не лги — или не говори лишнего. Он не был уверен.

— Я не могу перевести ваш договор. Я знаю только записку на языке моего дома.

— Ты остановил суд.

— Я различил два знака. Это не то же самое, что знать язык.

Старик перевёл. Стог подошёл ближе.

— Толмач видит смысл, — сказал старик за него. — Ты увидел смысл.

— Нет. Я увидел повтор и различие. Смысл мне показал Орс жестами. Если бы он соврал, я мог бы помочь казнить невиновного или отпустить виновного. Мне повезло, что на листе была свежая подчистка.

Илья говорил медленно, чтобы старик успевал. Стог слушал перевод, не сводя глаз с его лица.

Ная положила перед стариком лист с кругами, треугольниками и косыми чертами. Объяснила свою проверку. Старик несколько раз возразил. Она показала четыре распоряжения и поддельную бирку. Наконец он замолчал.

Полководец взял бирку, увидел скрытый знак и бросил её на стол.

Потом произнёс решение.

Старик перевёл:

— До мира три дня. Ты останешься здесь. Будешь разбирать старые договоры с Наей Рем. За дверь — только со стражей. К печатам не прикасаться. С пленными не говорить. Всё, что найдёшь, сначала отдашь Палате.

— А потом?

— Потом решит князь.

— Я хочу вернуться домой.

Старик выслушал перевод Стога.

— Найдёшь дорогу — проси. До мира город не отпускает того, кто знает его договор.

Это уже звучало не как вежливая охрана.

Стог развернулся к выходу. У двери задержался и сказал Нае одну фразу. В ней Илья услышал «арден» — убежище. Ная ответила без паузы. Полководец посмотрел на закрытый ящик, но открывать не потребовал.

Когда шаги стихли, Илья спросил:

— Что он сказал?

Ная некоторое время приводила в порядок листы. Потом нарисовала дом, щит и три квартала за городской стеной. Рядом — военный лагерь. Между ними поставила общую печать.

Стог спросил, встречалось ли чужаку слово «убежище».

— А вы сказали?

Она написала по-русски двумя неровными словами:

«НЕ ЗНАЕТ».

Илья посмотрел на закрытый ящик с договором. В одном столбце три квартала должны были получить защиту. В другом те же люди становились залогом. Полководец уже искал того, кто заметит разницу.

Ная вернула Илье блокнот, но фотографию оставила у себя. Потом придвинула чистый лист и написала сверху десять местных знаков.

— Учить, — сказала она.

— Вы мне доверяете?

Она поняла слово только после рисунка двух людей, которые передают друг другу нож рукоятью вперёд. Ная покачала головой. Указала сначала на него, потом на себя.

— Нет.

После этого коснулась рисунков «арден» и «карден».

— Но проверять.

Илья сел напротив.

Он был чужаком под стражей, толмачом без языка и единственным человеком в Ладене, видевшим будущую приписку на ещё не заключённом договоре. Ная ему не доверяла. Он ей тоже.

Для начала этого было достаточно.

Глава 3. Два голоса одной клятвы

К полудню Илья научился различать восемнадцать слов и три способа ошибиться в каждом.

Ная писала знак, произносила слово, затем меняла окончание и заставляла его показать действие. Дом стоял сам по себе, дом принадлежал купцу, в дом входили, из дома выводили. Одно короткое слово о долге распадалось на долг монетой, долг службой и долг телом. Последний Ная объяснять не хотела. Нарисовала человека, рядом верёвку, потом перечеркнула рисунок так сильно, что уголь сломался.

Илья подписал по-русски: «обязан явиться лично?»

Ная прочесть не могла. Он показал на себя, на дверь и изобразил, будто невидимая верёвка тянет его наружу.

Она кивнула, но поправила: нарисовала не дверь, а ладонь, прижатую к столу. Потом произнесла слово медленно:

— Тэр.

Монетный долг звучал почти так же:

— Тэрн.

В живой речи конечный звук проглатывался. Илья повторил оба варианта. Ная поморщилась, заставила положить пальцы ей на горло и ещё раз сказала сначала короткое слово, затем длинное. Во втором случае под кожей ощущался слабый толчок. Он попробовал снова.

— Тэр. Тэрн.

На этот раз она убрала его руку и поставила возле слов разные отметки.

— Проверено? — спросил Илья.

Ная показала на первое, потом на него и отрицательно качнула головой. Он произнёс «тэр» ещё дважды, пока она не согласилась.

Дверь открылась. Молодой стражник с порезом на подбородке вошёл без похлёбки и велел Нае идти. За ним стоял архивный мальчишка с охапкой дощечек. Илья видел его вчера в суде: худой, вихрастый, лет шестнадцати, в серой куртке с чернильными пятнами. Мальчишка смотрел не на чужака, а на разобранный фонарь.

Ная спросила стражника, зачем её вызывают. В ответ прозвучало имя сухого старика из Палаты и слово «малый». Илья не понял остального.

Она собрала листы, фотографию спрятала за подкладку рукава. Потом указала Илье на стул.

— Сидеть.

— Я умею это слово.

— Сидеть, — повторила она строже.

Стражник рассмеялся. Ная вышла вместе с ним. Ключ повернулся снаружи.

Мальчишка остался.

Он положил дощечки на стол и сразу потянулся к батарее. Илья накрыл её ладонью.

— Нельзя.

Тот повторил слово, передразнивая его произношение, затем назвал себя:

— Тарен.

— Илья.

Тарен уже знал. Он ткнул пальцем в студенческий билет, который Ная оставила рядом с учебными листами, и прочёл имя в местной форме. Потом указал на строку университета и вопросительно поднял брови.

Илья нарисовал большое здание, полки с книгами и людей за столами. Себя изобразил среди них. Тарен добавил к рисунку плётку в руке учителя и довольно захохотал.

— Не совсем так, — сказал Илья.

За дверью раздались быстрые шаги. Ключ снова повернулся. Ная вошла первой, за ней — старик с костяными дощечками. Сегодня на его груди висело их девять. Он заговорил по-русски без приветствия:

— Будешь смотреть малую клятву.

— Мне запретили касаться печатей.

— Смотреть не касаться.

— Зачем я там нужен, если не знаю языка?

Старик перевёл вопрос Нае. Та ответила резко, указав на свои учебные листы. Он выслушал и повернулся к Илье.

— Ты видишь разницу. Сегодня разница малая. Увидишь порядок.

Илья посмотрел на Наю. Она избегала его взгляда.

— А если я что-то пойму не так?

— Молчишь.

Старик представился только после того, как Илья отказался вставать без имени того, чьи приказы должен выполнять. Его звали Сай Рет, он был третьим голосом Палаты. Не главой, но старшим из тех, кто допускал толмачей к судебным печатям.

— Третий голос, — повторил Илья. — А первые два?

Сай не понял вопроса или сделал вид. Ная сунула Илье под мышку чистые дощечки для записей. Тарен подхватил чернильницу. Они вышли в коридор.

Впервые Илья увидел архив за пределами одной комнаты. Узкий проход шёл между каменной стеной и деревянными шкафами, каждый шкаф запирался на два разных замка. В нишах горели масляные чашки. Воздух пах воском, сырой известью и старой кожей. За одним из шкафов темнела железная дверь, на которой был вырезан раздвоенный знак сторон. Половина такого знака краснела на ладони Ильи.

Он замедлил шаг.

Ная заметила и встала между ним и дверью.

— Книга? — спросил он.

Она не ответила. Сай обернулся, и процессия двинулась дальше.

Малое разбирательство проходило не в большом судебном зале, а в комнате над внутренними воротами. Там стояли два узких стола, разделённые каменной тумбой. На тумбе лежала круглая печать в раскрытой бронзовой оправе. От неё тянулись две цепочки, прикованные к краям столов. Печать нельзя было унести ни одной стороне.

У левого стола ждал полный мужчина в меховой безрукавке. Его пальцы были унижены медными кольцами, но на стол он положил пустой кошель. У правого стояла женщина в выцветшем синем платье. Рядом с ней мальчик лет десяти держал корзину с разбитыми кувшинами.

Илья остановился.

— Ребёнок тоже сторона?

Сай понял слово «ребёнок» и покачал головой. Ная тихо объяснила жестами: женщина продаёт глиняную посуду, мужчина перевозит её на телеге. Кувшины разбиты. Спор о плате и возмещении.

Ничего малого Илья в этом не увидел. Для женщины корзина могла означать неделю работы, для возчика — одно неудачное утро. Но здесь хотя бы не было мечей и виселицы.

Сай сел у стены. Тарен устроился на низкой скамье с дощечками. Ная заняла место между столами, но не у печати. У тумбы стояли ещё двое толмачей: пожилой мужчина в зелёной мантии и молодая женщина с выбритыми висками. У каждого на шее висела костяная пластинка с одной прямой чертой.

Ная осталась за их спинами. Значит, сегодня она не голос, а проверяющая.

Сначала вошёл писец. Он показал сторонам пустой лист, чтобы все видели отсутствие скрытых строк, и закрепил его четырьмя восковыми каплями. Потом достал две палочки — белую и чёрную — и положил на разные столы.

Женщина в синем назвала своё имя. Илья услышал: Мира Лас. Писец повторил, записал и повернул лист к ней. Она приложила ноготь к строке, не касаясь печати.

Возчик назвался Гораном Тешем. С его именем проделали то же самое.

Затем Сай указал на Илью и заговорил по-русски:

— Имя перед словом. Имя после слова. Если не одно — нет клятвы.

— Зачем дважды?

— До слова человек свободен. После слова говорит: это ещё я.

Илья записал. До чтения сторона подтверждала, что пришла по своей воле. После — что услышанное не превратило её в кого-то другого: должника, слугу или заложника без отдельного согласия. Во всяком случае, так правило выглядело в хорошем исполнении.

Пожилой толмач взял белую палочку. Писец прочёл первую строку на языке Ладена. Толмач не повторил её сразу. Сначала пересказал Мире короткими словами. Она задала вопрос, показав на корзину и на Горана. Толмач ответил. Только после этого произнёс полную формулу.

Илья узнавал отдельные части. Шестьдесят кувшинов. Южная дорога. Дождь. Плата за перевозку. Он ставил возле каждого знакомого слова точку. Возле догадок — треугольник.

Молодая толмачка взяла чёрную палочку и огласила ту же строку на языке соседней стороны. Горан слушал, хотя, судя по его ответам, понимал и городской язык. Потом пересказал услышанное своими словами. Молодая толмачка поправила число: не шестнадцать, а шестьдесят. Горан повторил правильно.

— Он знает оба языка, — шепнул Илья Нае.

Она кивнула.

— Тогда зачем два толмача?

Ная показала сначала на Горана, потом на Миру и развела ладони. Договор принадлежал не тому, кто умнее или образованнее. Каждая сторона должна была услышать свой голос из отдельного рта.

Первая строка не вызвала ничего. Печать лежала тускло.

Во второй называлась цена разбитого товара. Мира потребовала двенадцать серебряных кружков. Горан соглашался на восемь. Толмачи не стали сглаживать спор. Каждый произнёс именно требование своей стороны, и писец оставил между столбцами пустое место. Печать снова не отзывалась.

— Разные слова, нет клятвы? — спросил Илья.

Сай ответил:

— Разный спор — нет. Разное под одним согласием — долг.

Илья вспомнил «арден» и «карден». Убежище и залог стояли под одним номером строки. Если обе стороны скажут «согласны», печать не остановится из-за разницы. Она превратит разницу в долг.

Писец предложил десять серебряных кружков. Мира пересчитала пальцами. Горан посмотрел на пустой кошель и согласился, но поднял два пальца: платить в два срока.

Началась третья строка. Здесь толмачи заговорили быстрее. Ная перестала смотреть на Илью и вслушалась. Он различил имя Горана, число пять и знакомое слово «тэрн» — долг монетой.

Пожилой толмач произнёс его отчётливо, с конечным толчком. Молодая сказала ответную строку. В комнате скрипнула ставня, мальчик с корзиной кашлянул, и конец слова потерялся.

Илья посмотрел на Наю.

Она нахмурилась, но молчала.

Горан пересказал условие: пять монет сейчас, пять после следующего торга. Во второй части он употребил короткое «тэр».

Долг телом.

Илья поднял руку.

Сай схватил его за запястье и опустил.

— Молчишь.

Ная быстро сказала что-то молодой толмачке. Та раздражённо повторила слово. На этот раз Илья услышал конечный звук, но Горан уже подтвердил имя.

Писец подвинул лист. Мира коснулась белой палочки, Горан — чёрной. Они одновременно произнесли короткую формулу согласия. Толмачи повторили каждый на своём языке.

Печать ещё не тронули.

Сай отпустил запястье Ильи.

— Сейчас можно остановить? — спросил Илья.

Старик ответил не сразу:

— Голос сказал верно.

— Один раз верно. Один раз человек повторил неверно.

— Сторона отвечает за свой рот.

— Он пришёл потому, что не умеет читать ваши формулы. Если бы отвечал только за свой рот, толмач был бы не нужен.

Сай побледнел. Ная перевела спор, хотя Илья не просил. Пожилой толмач обернулся. Молодая с выбритыми висками ударила чёрной палочкой по столу и произнесла оба слова, подчёркивая разницу. Горан пожал плечами: для него они, видимо, звучали одинаково.

Мира стала торопить. Ей нужны были деньги, а не урок произношения.

Сай приказал продолжать.

Писец снял печать с оправы. Под ней обнаружились две половины: светлая и тёмная, сцепленные зубцами. Мира положила два пальца на светлую. Горан — на тёмную. Толмачи вновь называли их имена.

— Мира Лас?

— Мира Лас.

— Горан Теш?

— Горан Теш.

Писец опустил печать на воск.

Сначала ничего не произошло. Потом цепочки натянулись сами. По металлу прошёл тусклый синий свет, разделился у оправы и побежал к столам. Белая и чёрная палочки дрогнули.

Горан вскрикнул.

Его ладонь прилипла к печати. Пальцы выгнулись, медные кольца впились в распухшую кожу. Он попытался отдернуть руку, но цепь на его стороне хлестнула по краю стола и обвилась вокруг запястья.

Мальчик выронил корзину. Осколки рассыпались по полу.

Горан согнулся, словно кто-то давил ему на плечи. Из горла вырвался хрип. Он сделал шаг к двери, таща за собой цепь, и упал на колено.

На коже над его воротом проступило синее слово. Илья не умел его читать, но узнал форму короткого «тэр».

Долг телом.

— Остановите! — крикнул он.

Теперь Сай не удерживал. Ная бросилась к печати, но пожилой толмач преградил ей путь. Он выкрикнул, что обряд завершён. Илья понял смысл по одному слову: поздно.

Горан пополз к Мире. Не нападал — его тянуло к ней, как Орсu вчера тянуло к месту суда. Он бил свободной рукой по камню и повторял «десять», «монеты», «два срока». Печать отвечала коротким синим всполохом. Каждый всполох сводил мышцы на его лице.

Мира прижала сына к стене. Она тоже испугалась. Её требование было простым: получить плату за разбитые кувшины. Она не просила себе человека.

Илья схватил пустой кошель Горана, вытряхнул его на стол и показал всем.

— Он не может заплатить сейчас. Поэтому печать взыскивает его самого?

Ная перевела. Писец ответил: пять монет должны быть отданы до заката. Если их нет, сторона остаётся у кредитора до погашения. Но такой строки в городском чтении не было.

— Где она появилась?

Все заговорили одновременно. Сай ударил ладонью по стене. Наступила тишина.

Ная попросила обоих толмачей повторить третью строку отдельно. Пожилой произнёс «тэрн». Молодая — тоже «тэрн». Потом Ная заставила Горана пересказать то, что он подтвердил. Он с трудом поднял голову и сказал «тэр».

Молодая толмачка отвернулась.

— Он ошибся, — сказал Сай по-русски.

— Вы дали ему ошибиться.

— Толмач сказал верно.

— Но клятву подтверждал не толмач. Её подтверждал Горан. Вы сами сказали: имя до слова и после. Его рот вошёл в договор.

Сай посмотрел на Наю. Та перевела дословно, даже слово «рот». Пожилой толмач потребовал вывести чужака. Молодая молчала.

Илья указал на Миру:

— Спросите её, согласна ли она на человека вместо монет.

Ная спросила. Мира ответила сразу и так резко, что перевода не требовалось. Нет.

— Тогда пусть она скажет это своим голосом. До печати дошло согласие на разницу. Дайте ей назвать разницу несогласием.

Сай покачал головой.

— После печати только новая клятва.

— Значит, сделайте новую.

— Нужен долг для обмена.

Илья не понял.

Ная быстро нарисовала на дощечке весы. На одной чаше — человек, на другой — пустота. Чтобы снять телесный долг, кто-то должен был принять его или заменить другим обязательством такой же силы.

Мира подошла к тумбе. Сняла с шеи шнурок с маленьким бронзовым ключом и положила рядом с печатью. Потом подвела сына. Мальчик вцепился в её юбку.

Она говорила медленно. Ная переводила Илье отдельными словами: мастерская, печь, товар, десять монет, следующий торг. Мира отдавала в залог ключ от мастерской и право на обжиг двух партий товара. Не человека — свой будущий труд и имущество.

Писец начал писать новую строку.

Илья остановил его жестом и показал на Горана.

— Сначала он должен услышать.

На этот раз Сай не приказал ему молчать.

Ная встала на место молодой толмачки. Она разбила формулу на короткие части. После каждой Горан повторял смысл простыми словами. Когда дошли до долга, Ная заставила его положить пальцы ей на горло.

— Тэрн, — сказала она.

— Тэрн, — прохрипел он.

— Монеты, — добавила Ная и звякнула двумя кольцами Горана друг о друга.

Он повторил слово и показал на кошель.

Мира услышала свой вариант. Назвала имя до чтения, повторила после. Горан сделал то же самое. Они коснулись половин печати.

Новый оттиск лёг рядом с первым.

Синее слово на шее Горана дрогнуло. Цепь ослабла и упала на стол. Он отнял ладонь от печати. На коже остался красный круг, но пальцы снова слушались.

Несколько мгновений никто не говорил.

Потом Мира подняла ключ. Горан снял два медных кольца и отдал ей как первую часть платы. Она приняла их без благодарности. Мальчик собрал уцелевшие черепки в корзину.

Стороны ушли отдельно.

Молодая толмачка всё ещё стояла у правого стола. Сай снял с её шеи костяную пластинку и положил перед собой. Она побледнела, но не спорила.

— Она ошиблась один раз, — сказал Илья. — Горан повторил. Вы слышали. Почему отвечать будет только она?

Сай провёл пальцем по первому оттиску.

— Голос должен слышать слабый рот.

— А третий голос должен слышать обоих, разве нет?

Старик поднял глаза.

Илья понял, почему в Палате были первые и вторые голоса. Третьим называли того, кто наблюдал за совпадением. Сай сидел у стены именно для этого. Ошибка прошла через молодую толмачку, через Горана и через человека, обязанного остановить обряд.

Ная не перевела последнюю фразу. Сай и без того догадался по её молчанию.

Он вернул костяную пластинку молодой женщине. Затем велел писцу занести происшествие в книгу ошибок — не как вину одного голоса, а как несовпадение, услышанное после подтверждения стороны. Илья разобрал смысл только потому, что Сай повторил приказ по-русски.

— Такое часто бывает? — спросил Илья.

— Редко.

— Я спрашиваю не о том, часто ли люди кричат. Часто ли один смысл произносят, а другой подтверждают?

Сай молчал слишком долго.

— В малой клятве видно боль, — наконец сказал он. — В большой боль далеко.

За окном протрубил рог. С внутреннего двора ответили два других. На стене закричали часовые. Вражеское войско за рекой напоминало о себе.

Илья посмотрел на печать. Три квартала могли слышать слово «убежище», пока другая сторона подтверждала «залог». Когда общая печать коснётся воска, боль проявится не в этой комнате. Она начнётся за стенами, у пограничных столбов, среди людей, которые даже не знали, что их имена внесены в строку.

— Я хочу видеть правила большой клятвы.

— Нет, — сказал Сай.

— Тогда хотя бы старые ошибки.

— Нет.

— Стог велел мне разбирать договоры.

— То, что велел Стог, даёт тебе стол. Не даёт Палату.

Сай ушёл, забрав первый спорный лист. Второй, исправленный, остался у писца. Пожилой толмач повёл молодую женщину в коридор. Тарен собрал дощечки и бросил на Илью быстрый восхищённый взгляд, который тут же спрятал.

Ная задержалась у тумбы. Она вынула из оправы печать, проверила зубцы и вернула на место. Потом показала Илье свою ладонь. На ней не было следа.

Он показал свою. Половина раздвоенного знака стала темнее.

— Почему?

Ная коснулась пальцем воздуха над меткой, не самой кожи. Сказала несколько слов, слишком сложных для его восемнадцати слов.

— Коротко, — напомнил Илья.

Она подумала и перешла на смесь рисунков и знакомых звуков. Вчера он остановил действие старой клятвы Орса, хотя его имя не было названо. Сегодня стоял рядом с печатью и первым вслух различил долг монетой и долг телом. Книга сторон могла считать такие вмешательства. Могла искать для него место.

— Я ничего не обещал этому городу.

Ная указала на метку и произнесла:

— Город — тебе?

Вопрос он понял. Может быть, обещание шло в другую сторону. Может быть, Ладен уже был должен чужаку, которого выдернул из его жизни. Но Илье не хотелось получать от города долг телом, кровью или чужой свободой.

Он взял чистую дощечку и написал два знакомых слова: «тэр» и «тэрн». Между ними поставил знак различия. Ниже нарисовал дом под щитом и человека у пограничного столба.

— Арден. Карден.

Ная быстро оглянулась на дверь.

— Сегодня один звук едва не сделал человека имуществом, — сказал Илья, хотя она понимала лишь часть. — В вашем договоре другой звук сделает имуществом три квартала.

Он нарисовал много маленьких фигур под тремя крышами. От каждой провёл линию к столбу.

Ная взяла дощечку, перевернула и написала три имени. Илья узнал Велимира Стога. Второе принадлежало князю. Третье она произнесла медленно:

— Эсса Вар.

Потом изобразила другую сторону реки и корону. Видимо, Эсса Вар представляла неприятельское войско или правителя.

Три человека знали полный текст. Возможно, Палата знала его частями. Жители кварталов не знали вовсе.

Илья показал на спорную печать.

— В большой клятве тоже два голоса?

— Два.

— И третий?

Ная назвала Сая Рета, затем покачала головой. В большой клятве третьим голосом будет другой человек. Она написала имя на дощечке.

Велимир Стог.

Полководец не просто внёс подмену. Он собирался сам следить за совпадением переводов.

Илья перечитал имя и почувствовал, как метка на ладони отзывается тупой болью.

До мирного договора оставалось меньше трёх дней. Теперь он знал порядок, в котором слова становились цепью. Имя до чтения. Два голоса. Подтверждение имени. Общая печать.

И ещё одно правило, которого не записывали ни на одной дощечке: тот, кто обязан услышать разницу, мог сделать вид, что её нет.

Глава 4. Квартал-залог

Проект перемирия привезли в архив на рассвете под охраной, какой Илья ожидал скорее у сундука с казной.

Сначала во дворе загрели копыта. Потом в коридоре раздался тяжёлый шаг, звякнули кольца кольчуг, и Тарен одним движением задул лампу над столом. Комната погрузилась в серую утреннюю тень.

— Зачем? — спросил Илья.

Тарен приложил палец к губам и показал на дверь. Сквозь щель под ней протянулась полоса света. По коридору прошли шестеро солдат. Двое несли узкий ларец, обитый железными полосами, ещё двое держали наготове самострелы. Последним шёл Велимир Стог.

Полководец не заглянул в комнату. Однако Илья всё равно убрал ладонь со стола, пряча потемневшую половину знака. Метка после малого разбирательства уже не болела, но сделалась такой чёткой, словно её выжгли тонким железом.

Когда шаги стихли, Тарен снова зажёл лампу. Илья записал услышанное время на полях своего блокнота. До переговоров оставалось два дня. Значит, проект, который вчера существовал в разрозненных листах, сегодня собрали воедино.

Ная появилась через несколько минут. Она не принесла обычных дощечек для урока. На ней была зелёная мантия Палаты, застёгнутая у горла серебряной пряжкой, а на шее висела костяная пластинка второго голоса. Волосы она убрала так туго, что лицо казалось строже и старше.

— Идём, — сказала она по-русски.

Это слово Илья научил её произносить вчера. Сейчас оно прозвучало без вопроса.

— Куда?

Ная положила перед ним чистую дощечку, мел и короткий ремешок. Потом показала на его блокнот и покачала головой.

— Они боятся бумаги из другого мира?

Она не поняла всей фразы, но забрала блокнот и заперла его в нижнем ящике. Илья взял дощечку. У двери Ная остановила его, провела пальцами по рукаву и вынула спрятавшуюся в складке нитку. Обыск получился почти смешным, пока в коридоре не показались двое солдат со взведёнными самострелами.

Тарена с ними не пустили.

Ларец поставили в комнате без окон. Здесь не было книжных шкафов, только длинный каменный стол и три светильника под медными колпаками. Свет падал вниз, на стол, а лица оставались в полумраке. У каждой стены стоял вооружённый человек. На дальней скамье сидели два незнакомых толмача. Один держал белую палочку, другой — чёрную, хотя чтение ещё не началось.

Велимир Стог занял место во главе стола. Рядом расположились Сай Рет и сухой мужчина в княжеской синей одежде. Илья узнал княжеского писца: тот присутствовал в зале суда в день появления чужака, только тогда молчал за спиной судьи.

Ная назвала Илью. Писец записал имя на отдельном обрезке пергамента, не в основном листе.

— Зачем я здесь? — спросил Илья.

Сток понял вопрос без перевода.

— Ты видел старую грамоту, — ответил он на ломаном русском. — Смотришь новую. Говоришь, где старое слово.

— А если я увижу новое?

Ная перевела. Стог усмехнулся и отпер ларец ключом, который носил на цепочке под воротом.

Внутри лежали два свитка. Они были намотаны на один стержень с разных концов, так что развернуть один, не разворачивая другой, не получалось. Между слоями блестела тонкая серебряная сетка. Илья вспомнил цепочки у малой печати. Здесь всё было устроено так, чтобы два текста считались одним предметом задолго до клятвы.

Сай проверил печати на завязках. Ная назвала каждую. Писец занёс проверку в свой лист. Затем Стог сам разрезал шнуры.

Свитки раскрыли рядом.

Илья ожидал увидеть знакомые столбцы, но большой договор был сложнее. Каждая строка делилась на три части: слова одной стороны, слова другой и узкая середина, где повторялись имена людей или мест, на которых держалось условие. У краёв шли маленькие знаки очередности. Некоторые были нанесены красной краской, другие — чёрной.

Ная дала Илье мел.

— Старое, — повторил Стог.

Первый лист определял срок тишины у стен. Илья узнавал числа, названия ворот и условные значки оружия. Он не пытался угадывать всё. Отмечал кружком повторявшиеся формы, треугольником — незнакомые. Несколько раз просил Наю назвать предмет: стена, ров, стрела. Она отвечала коротко, Стог не возражал.

На втором листе говорилось о воде. На третьем — о вывозе раненых и мёртвых. Здесь Илья узнал имя Орса Далена, пленного писца. Оно стояло среди людей, которых должны были обменять после первой ночи перемирия.

— Он сторона или вещь? — спросил Илья.

Ная перевела. Княжеский писец ответил длинно.

— Пленный, — сократил Сай по-русски. — Возврат.

— Тогда почему имя в середине?

Сай показал: слева Орса называли человеком, которого Ладен выпускает; справа — человеком, которого другая сторона принимает. Значения совпадали. Средняя строка удерживала только личность, чтобы нельзя было отдать другого пленника под тем же званием.

Илья поставил возле имени знак проверки. Такая точность могла защищать. От этого становилось хуже: люди за столом прекрасно знали, как не допустить подмены, когда хотели.

На четвёртом листе появились три названия, которые Ная уже писала вчера. Гончарный спуск. Южные дворы. Старый лён.

Кварталы.

Илья выпрямился. Ная перестала объяснять отдельные слова. Она положила ладонь на край стола и следила за его лицом.

Слева, в городском тексте, над тремя названиями стоял рисунок крыши и щита. Илья нашёл форму «арден». Не ту же самую, что видел в черновом листе: здесь слово было согласовано с тремя кварталами и изменило окончание. Но корень он узнавал.

Справа стояло «карден».

У слова был другой знак. Не крыша, а кольцо на столбе.

— Прочтите, — сказал Илья.

Ная коснулась городского текста и произнесла строку. Медленно, по частям. Три квартала Ладена объявлялись местом, где во время перемирия не размещают воинов, не хранят оружия и дают убежище раненым без различия стороны.

Толмач с чёрной палочкой прочёл правую строку. Илья понимал соседний язык хуже, но услышал три названия, запрет оружия и «карден». Остальное потребовал разложить жестами и предметами.

Стог постучал пальцем по столу.

— Старое слово где?

— Сначала смысл.

— Ты не голос.

— Тогда зачем вы меня позвали? Чтобы я нашёл похожие чернила?

Ная не сразу перевела последнюю фразу. Когда перевела, княжеский писец спрятал улыбку. Стог не улыбнулся.

Он вынул из ларца три деревянные фигурки и поставил на названия кварталов. Затем взял фигурку вражеского воина, подвёл к стене и положил набок. Раненый. Фигурки кварталов должны были укрыть его.

Потом полководец поставил у края стола два межевых столбика и связал их шнуром. Один конец шнура прижал городской печатью, другой — знаком соседнего войска. Если какая-либо сторона нарушит перемирие, фигурки кварталов останутся между двумя знаками, пока виновник не исполнит долг.

Илья указал на деревянных людей.

— Останутся где?

Стог перенёс их к столбикам.

— Сколько времени?

Полководец пожал плечами и показал на строку о долге. Пока нарушение не будет исправлено.

— Они смогут уйти домой?

Ная ответила раньше Стога:

— Нет.

Русское слово прозвучало тихо и ясно.

— Значит, это не убежище.

Она заговорила на языке Ладена. Илья уже умел различать её голоса. На суде она переводила ровно, оставляя место чужому смыслу. Сейчас речь шла быстрее. Она не просто передавала его слова — спорила сама.

Илья уловил «арден», «карден», старую форму договора и слово «щит». Сай ответил ей. Затем заговорил княжеский писец. Он достал из рукава узкую книжку и раскрыл на закладке.

Ная перевела Илье простыми фразами:

— Старое право. Убежище — место под защитой. Защита имеет цену. Если город обещал защиту и нарушил мир, место отвечает. Поэтому... широкое слово.

— Широкое слово?

Она развела ладони, показывая, как одно значение накрывает другое.

— Дом защищает человека. Человек защищает дом. Вместе — залог мира.

Илья посмотрел на неё. Вчера Ная помогла снять с Горана телесный долг и заставила его услышать каждую часть новой клятвы. Сегодня тем же спокойным голосом она объясняла, почему тысячи людей можно удерживать у столбов из-за чужого нарушения.

— Горан тоже был широким значением монеты?

Она поняла имя и вопрос. Щёки у неё побледнели.

— Не одно.

— В чём разница?

Ная указала на старую книжку. Правило существовало давно. Потом на княжескую синюю одежду: власть признаёт правило. Затем на три названия кварталов: жители принадлежат городу, город отвечает за них.

— Они знают? — спросил Илья.

Ная замолчала.

Илья повторил вопрос на местном языке, неправильно поставив окончание. Толмач с белой палочкой поморщился, зато все поняли.

Знают ли Гончарный спуск, Южные дворы и Старый лён, что их делают залогом?
Стог сложил фигурки обратно в ларец.

— Житель знает князя, — произнёс он по-русски. — Князь знает войну.

— Это не ответ.

— Это порядок.

Полководец повернул договор к себе и указал на красные метки у краёв. На стенах заканчивался хлеб. За рекой стояли двенадцать тысяч воинов. Если перемирие не подпишут, к вечеру следующего дня начнётся приступ. Илья понял числа по дощечке, на которой Сай быстро нарисовал мешки зерна, ряды копий и солнце над стеной.

— Значит, либо эти кварталы станут залогом, либо весь город будут штурмовать? — спросил он.

Стог кивнул.

Ловушка была удобной. Любого, кто возражал против строки, можно было обвинить в желании продолжить войну. Илья вспомнил архивные документы Земли: чрезвычайные меры почти всегда входили в жизнь под звуки часов, отсчитывающих время до беды. Сначала говорили, что выбирать некогда. Потом временный выбор переживал тех, кого должен был спасти.

— Кто предложил эти три квартала?

Ная перевела.

Стог ответил сам:

— Они у реки. Они между воротами и водой. Враг хочет знак, что мы не ударим ночью.

— Враг просил держать жителей у столбов?

— Враг просил карден.

— А жители услышат арден.

— Они услышат на языке Ладена.

— Именно. Услышат убежище, подтвердят имя города, а исполнять будут залог.

Сай произнёс что-то резко. Ная перевела: жители не являются отдельной стороной. Имя города назовёт князь. Касаться печати будут послы. Кварталы только перечислены в условии.

Илья почувствовал холод, хотя в комнате горели три светильника. На малом разбирательстве Мира и Горан хотя бы стояли у печати. У них спросили имена до и после чтения. Здесь люди, на которых падёт долг, не услышат строку и не смогут отказаться. Их имена заменили названиями улиц.

Он прочёл среднюю часть внимательнее. После каждого квартала стоял маленький знак, похожий на раскрытую ладонь. Такой же он видел рядом с именем Орса.

— Что это?

Ная сказала слово, которого Илья не знал. Он попросил показать.

Княжеский писец взял дощечку и нарисовал дом. В доме — пять человек. Над ними — одну крышу. Потом обвёл крышу и поставил знак ладони.

— Все под именем места, — перевёл Сай.

— Даже дети?

Никто не ответил сразу.

— Все, — сказала Ная.

Илья отложил мел. На пальцах осталась белая пыль.

— Тогда это сильнее, чем долг Горана. Он хотя бы ошибся своим ртом. Эти люди ничего не скажут.

Стог наклонился через стол.

— Чужак хочет мир?

— Да.

— Чужак хочет спасти город?

— Да.

— Тогда чужак находит старое слово и молчит о новом.

Вот зачем его привели. Не для проверки. Стогу требовался свидетель, который видел древнюю грамоту и мог подтвердить, что разница между словами не подмена, а наследие старого языка. Человек из ниоткуда был удобен именно потому, что не принадлежал ни одной стороне. Его непонятное появление можно было превратить в знак свыше, если он скажет нужное.

— На старой грамоте была приписка, — сказал Илья. — «Убежище нельзя толковать как залог стороны».

Ная перевела. В комнате стало так тихо, что слышалось потрескивание масла в светильнике.

Стог медленно закрыл ларец, хотя договор ещё лежал на столе.

— Где грамота?

— В моём мире.

— Где приписка здесь?

— Возможно, её ещё не написали.

Княжеский писец спросил что-то о времени. Ная ответила за Илью: в его свитке чернила старые, края повреждены, письмо относится к более поздней руке. Она видела фотографию.

Стог перевёл взгляд на неё.

— Ты сказала: чужак не знает убежище.

Теперь Илья понял местную фразу без помощи. Ная выдержала взгляд.

— Тогда не знал, — ответила она.

Это было ловко и почти правдиво. Стогу не понравилось ни то, ни другое.

Он велел остальным выйти. Сай возразил: договор нельзя оставлять без двух голосов. Полководец раздражённо разрешил остаться ему, Нае и двум стражникам. Княжеский писец свернул листы и уложил их в ларец. Толмачи с палочками покинули комнату. Дверь закрылась.

Стог подошёл к Илье вплотную. Он был выше на полголовы и пах холодным железом, лошадью и дымом. На щеке белел старый рубец.

— Ты видел, что будет, если нет мира? — спросил он по-русски.

— Я видел войну только в книгах.

— Книга не кричит.

— Поэтому люди в строке тоже не должны кричать?

Стог будто не слышал.

Он вынул из-за пояса маленький кожаный мешок и высыпал на стол три наконечника стрел. Один был погнут, на другом запеклась тёмная кровь, третий оказался совсем маленьким.

— Сына? — спросил он, показывая на маленький наконечник.

Илья не понял.

Стог повторил на местном языке, Ная перевела:

— Такой стрелой вчера ранили мальчика на стене. Двенадцать лет. Подносил воду. Если договор остановят, завтра стрел будет много.

— А если договор подпишут, на столбах окажутся другие дети.

— Не окажутся, если князь держит мир.

— Но вы готовите договор на случай, если не удержит.

Стог собрал наконечники. Его терпение истончалось, но ярость он удерживал лучше, чем большинство людей удерживали вежливость.

— Залог делает обещание тяжёлым.

— Для кого? Не для князя. Не для вас. Для Гончарного спуска.

Ная перевела точно. Илья слышал названия и местоимения. Стог посмотрел на неё, словно ожидал смягчённой версии, но она не отвела глаз.

— Князь — город, — сказал полководец.

— Тогда пусть в строке стоит князь.

Сай шумно вдохнул. Ная застыла, не переводя.

— Переведите, — потребовал Илья.

— Не надо, — сказала она по-русски.

— Почему? Широкое значение власти не включает человека, который этой властью пользуется?

Она резко произнесла местную фразу. На этот раз Илья разобрал не всё, но услышал слово «князь» и форму личного долга.

Стог ударил ладонью по столу. Светильники подпрыгнули. Один медный колпак сдвинулся, и яркий свет полоснул по лицам.

— Князь нужен живым, — сказал он.

— А гончар нужен своему сыну.

Молчание длилось несколько ударов сердца.

Полководец повернулся к Нае и заговорил долго. Она слушала, всё сильнее сжимая костяную пластинку. Потом перевела:

— До вечера Палата даст заключение. «Арден» и «карден» — одно допустимое значение или нет. Если одно, чтение будет. Если нет, соседняя сторона уйдёт от стола. Стог говорит: твои слова могут убить людей завтра.

— Его строка может лишить людей свободы послезавтра.

— Он говорит: послезавтра сначала должно наступить.

Стог забрал ларец. Перед тем как уйти, он положил окровавленный наконечник на дощечку Ильи и прижал им нарисованный знак различия.

Дверь закрылась за охраной.

Сай остался у стены. Он выглядел старше, чем вчера. Илья спросил, сколько раз в прежних договорах место-убежище становилось залогом. Старик не хотел отвечать. Ная повторила вопрос на языке Палаты — медленно и официально.

Сай назвал число.

— Семь, — перевела она.

— И что происходило с людьми?

В двух случаях строка не вступила в силу. В трёх долг закрыли зерном или пленными до того, как жителей повели к границе. Один раз заложниками стали только квартальные старшины. В последнем случае людей держали у межевых столбов девять дней.

— Сколько вернулось?

Сай ответил после паузы.

Из сорока двух — тридцать восемь.

Илья не спросил, что случилось с четырьмя. Если бы они просто убежали, Палата назвала бы это сразу.

Ная сняла пластинку второго голоса и положила на стол. Под ней на коже осталась красная полоса.

— Ты знала о семи случаях? — спросил Илья.

— Два.

— И всё равно называешь это широким значением?

Она ответила по-русски, подбирая слова:

— Я — голос. Голос держит... оба края.

— Даже если один край режет людей?

Ная подняла пластинку.

— Без голоса Стог один читает. Или воин читает. Хуже.

Илья хотел возразить, но понял, что она говорит не о словарной статье. Палата оправдывала закрытость тем, что без обученных толмачей власть станет ещё грубее. Возможно, это было правдой. Только со временем защита превратилась в право решать за тех, кого защищали.

— Вчера вы спросили Миру, согласна ли она получить человека вместо монет.
Ная кивнула.

— Спросим кварталы.

— Нет времени.

— До вечера есть.

— Стог не даст.

— Тогда не будем спрашивать Стога.

Сай услышал имя и потребовал перевод. Ная посмотрела на старика, потом на дверь, за которой удалялась охрана. Илья видел, как в ней сталкиваются две верности: правилам, удерживающим мир от случайной ошибки, и людям, которых намеренно превратили в среднюю строку.

Она взяла мел и написала три названия кварталов. Рядом — три разных значка.

Гончарный спуск: печи, мастерские, северная лестница к стене.

Южные дворы: склады, конюшни, ворота к речной дороге.

Старый лён: ткацкие дома, красильни, узкий выход к воде.

Потом нарисовала солнце у верхнего края дощечки и провела половину дуги. До полудня она должна участвовать в заседании Палаты. После полудня сможет уйти лишь под наблюдением.

Илья указал на Тарена, которого не пустили в комнату.

Ная резко покачала головой.

— Он знает город. Он может записать имена.

— Ребёнок.

— Ему шестнадцать. А в строке будут дети младше.

Сай спросил о чём они. Ная сказала ему правду. Старик подошёл к столу и стёр два названия рукавом, оставив только Гончарный спуск.

— Один, — произнёс он по-русски. — Не вопрос согласия. Слова. Что люди слышат.

Он соглашался не на сход и не на открытое обсуждение. Только на проверку значения среди обычных носителей: что они представляют, услышав «арден». Для Палаты это можно было назвать частью работы над переводом.

— И если они скажут «убежище»?

Сай посмотрел на Наю.

— Тогда голос говорит Палате.

— А Палата говорит Стогу?

Старик не обещал.

Ная вернула пластинку на шею и забрала дощечку. У двери она задержалась, взяла окровавленный наконечник и завернула его в тряпицу. Не выбросила и не оставила как угрозу.

В коридоре ждал Тарен. Увидев их лица, он перестал улыбаться. Ная быстро объяснила ему задание. Подросток сперва испугался, потом начал задавать вопросы, показывая на архивные списки и выходы из дворца.

Илья понял замысел раньше, чем Ная закончила. Им нужны были не только толкования слова. Нужны имена тех, кого прятали под названием места. Гончары, носильщики, дети, старики, приезжие подмастерья — каждый, на кого раскрытая ладонь в средней строке могла набросить общий долг.

Тарен достал из кармана обломок угля и написал на стене три слова. Ная тут же стёрла их, но Илья успел прочесть названия улиц.

— Он знает короткую дорогу, — сказала она.

— А стража?

Ная показала на зелёную мантию. Пока она оставалась вторым голосом Палаты, двери перед ней открывались.

Они спустились во внутренний двор. Над стенами занималось бледное солнце. Со стороны реки доносился стук множества молотков: неприятельское войско чинило настилы или собирало осадные машины. На городской стене трубили смену караула. Люди тащили воду, корзины с хлебом, связки стрел и не смотрели вверх.

За воротами дворца начинался Ладен — не имя князя, не печать и не удобная фигура на столе, а тысячи отдельных ртов, рук и домов.

Илья сжал дощечку. На ней оставались «арден», «карден» и пятно крови от наконечника.

— Сначала Гончарный спуск, — сказал он.

Ная поправила его местное окончание. Тарен повторил правильно и махнул следовать за собой.

Они успели пройти под аркой, когда метка на ладони Ильи стала ледяной.

Из глубины дворца ответил низкий металлический звон. Не тревожный колокол — короче и глуше. Ная обернулась.

— Печать, — сказала она.

— Какая?

Она показала на ларец, который унёс Стог, и на три названия кварталов.

Пробный оттиск.

Полководец не собирался ждать заключения Палаты. Он проверял строку без жителей, на малой доле силы, чтобы убедиться, что долг найдёт названные места.

На улице женщина, нёсшая корзину с хлебом, вдруг остановилась. Её тело дёрнулось в сторону реки. Она удержалась, схватившись за стену, и удивлённо посмотрела на собственную руку.

Следом мальчик у водяной бочки сделал невольный шаг к южным воротам.

Тарен побледнел.

Ная уже бежала к ним.

Илья посмотрел на дощечку. Вчера печать превратила один неверный звук в цепь. Сегодня ей хватило названия квартала, чтобы найти людей, которые не произнесли ни слова.

Спор о значении закончился.

Теперь им предстояло узнать имена тех, кого договор уже начал считать залогом.

Глава 5. Люди в строке

Женщина с корзиной упёрлась плечом в стену, но ноги продолжали искать дорогу к реке. Подошвы скребли по камню. Хлеб высыпался из-под полотна и покатился по мостовой. Она не наклонялась за ним, будто не замечала ни булок, ни людей, которые шарахнулись в стороны. Левой рукой женщина держалась за выступ кладки, правой прижимала корзину к боку. Пальцы белели.

Ная перехватила её за пояс.

— Имя! — крикнула она на местном языке.

Женщина ответила, задыхаясь. Илья не разобрал первого слова. Второе звучало как название ремесла. Тарен уже присел у стены и вывел углём несколько знаков на дощечке.

— Села Кер, — перевела Ная. — Печёт хлеб. Дом на Гончарном спуске.

Мальчик у водяной бочки тем временем сделал ещё два шага к южным воротам. Вёдра на коромысле раскачивались, вода заливала ему сапоги. Илья поймал его за плечи. Тело оказалось напряжённым, как у человека, который тащит тяжёлую телегу в гору.

— Не туда, — сказал Илья по-русски и показал рукой в обратную сторону.

Мальчик испуганно замотал головой. Он и сам не хотел идти. Однако ступня снова двинулась к воротам.

Ная назвала несколько местных слов. Мальчик ответил. Тарен записал имя — Лио Нер — и название Южных дворов.

— Он там живёт? — спросил Илья.

Ная уточнила.

— Нет. Работает у конюха. Спит при бочке во дворе только во время осады.

Значит, строка считала не только владельцев домов. Ей хватало временного места под общей крышей квартала.

Из дворца снова донёсся металлический звон. На этот раз тише, словно кто-то прижал ладонь к краю печати.

Села Кер перестала тянуться к реке так внезапно, что Ная едва удержала её на ногах. Лио выронил коромысло и сел прямо в разлитую воду. Несколько мгновений он ощупывал колени, проверяя, принадлежат ли они ему.

Пробный оттиск закончился.

Ная спросила Селу, что та почувствовала. Женщина показала на грудь, потом на дорогу. Говорила она быстро, сердито. Илья ловил знакомые слова: дом, ворота, вода. Несколько раз прозвучало «арден».

— Она слышала чтение? — спросил он.

— Нет. Только звон. Потом дорога стала... — Ная поискала русское слово. — Правильной. Другие дороги — неправильными.

— А куда вела правильная?

Села вытянула руку к реке. За домами не было видно ни воды, ни межевых столбов, но палец указывал точно на юго-восток.

Тарен записал ответ. Илья попросил его оставить рядом пустое место.

— Зачем? — спросила Ная.

— Чтобы позже записать её слова ещё раз. Не по памяти. Если ответ изменится, мы должны это увидеть.

Ная перевела. Села вырвала у Тарена уголёк и сама поставила возле имени знак хлебной лопаты. Потом подняла с мостовой одну булку, отряхнула её о передник и сунула Илье в руки. Остальные собрали прохожие.

Она не благодарила за помощь. Она требовала объяснений.

Ная сказала только, что во дворце проверяли новый договор и Палата собирает свидетельства. При слове «договор» люди вокруг заговорили разом. Один мужчина показал на стену и спросил о перемирии. Старуха с корзиной лука спросила, почему печать трогает тех, кто её не касался. Лио Нер повторял, что имени не называл.

— Именно это и запишем, — сказал Илья.

Ная перевела его фразу не сразу. На зелёную мантию уже смотрели иначе: не как на пропуск сквозь город, а как на часть власти, которая только что дёрнула двух людей за невидимую верёвку.

Тарен поднял коромысло Лио и вернул вёдра к бочке. Потом повёл их в тесный проход между домами. Они свернули дважды, миновали рынок без прилавков и вышли на лестницу, спускавшуюся вдоль внутренней стены. Здесь город пах мокрой глиной, золой и кислым тестом. Под навесами рядами стояли кувшины. Печи топили, несмотря на ранний час: гарнизону требовалась посуда для воды, а жителям — горшки, в которых можно унести запас зерна при пожаре.

Гончарный спуск начинался у верхней площадки и падал к старым речным воротам. Дома лепились друг к другу, над улицей висели мостики и верёвки с посудой. Если назвать весь квартал одним местом, печать могла не ошибиться: сверху он и правда казался одной большой мастерской.

На земле всё было иначе.

У первой печи работали две сестры, их старый отец и трое наёмных месильщиков. В пристройке жила семья сапожника, потерявшая дом у стены. На чердаке спали четверо носильщиков с речных складов. Хозяин печи числился в дворцовом списке, остальные — нет.

Тарен разложил у стены три дощечки. На первой записывал постоянных жильцов, на второй — временных, на третьей — тех, кто находился здесь только днём. Илья предложил значки, понятные без долгого перевода: крыша, свёрнутая постель и солнце.

Ная возразила. Палата учитывала людей по имени дома, а не по тому, где застал их звон.

— Лио живёт в другом квартале, — напомнил Илья.

— Может, долг нашёл работу.

— Или воду, которую он нёс. Или имя хозяина бочки. Мы не знаем.

Он произнёс последнюю фразу на местном языке. Получилось коряво, зато гончар у печи услышал. Мужчина был широкоплечим, с красными от жара глазами. Он ткнул пальцем в зелёную пластинку Наи и задал вопрос.

— Спрашивает, зачем тогда Палата дала Стогу печать, — перевела она.

— Хороший вопрос.

Ная посмотрела на него предупреждающе.

— Не прячьте ответ, — сказал Илья. — Иначе они не дадут имён.

Толмачка сняла пластинку с шеи и спрятала под ворот мантии. Жест не сделал её обычной жительницей, но разговор стал тише. Она объяснила, что большая печать остаётся у Палаты, а Стог получил походную половину и оттиск городской стороны для проверки. Полной силы без второго чтения быть не должно.

Гончар указал вверх, в сторону дворца. Потом на собственные ноги.

Ная не стала спорить. Полной силы не было. Хватило малой.

Первой имя назвала девушка-месильщица. Рава Тин, девятнадцать лет, пришла из деревни за западным холмом. В Гончарном спуске она жила пять недель, но в пробный звон ничего не почувствовала. Её хозяин, Кем Лас, почувствовал толчок в груди, хотя не вышел из-за круга печи. Старый отец Кема ощутил звон в зубах и желание повернуться к реке. Одна из сестёр не заметила ничего. Вторая решила, что её позвали от ворот.

Илья просил Наю задавать каждому одни и те же вопросы.

Где человек был во время звона?

Где спал прошлой ночью?
Кому принадлежит дом?
Названо ли его имя в городском списке?
Куда хотелось идти?
Мог ли он остановиться?

Последний вопрос раздражал людей сильнее остальных. Кем Лас ответил, что удержался бы, если бы не печь. Старик сказал, что смог бы лечь на землю. Девушка, ничего не почувствовавшая, пожала плечами. Но Села Кер, догнавшая их с пустой корзиной, показала содранные пальцы. Она удержалась лишь потому, что вцепилась в камень.

— При настоящем чтении будет сильнее? — спросил Кем.

Ная не знала.

— Семь прежних случаев, — сказал Илья. — В одном людей держали у столбов девять дней.

Ная резко повернулась к нему.

Он понимал, что нарушает доверие Сая. Старик назвал число в закрытой комнате. Но число касалось не Палаты и не Ильи. Оно принадлежало людям, которым предлагали стать восьмым случаем.

Толмачка перевела.

Кем выронил деревянную лопатку. Рава отступила от печи. Старик сел на стопку мешков и произнёс четыре имени. Ная побледнела.

— Те, кто не вернулся, — объяснила она. — Он знает их семьи.

Гончарный спуск помнил прежний договор лучше Палаты. Один из четверых был дядей Кема. Другой — красильщик с соседней улицы. В дворцовой записи они оставались числом, удобным для сравнения условий. Здесь у них были имена, вдовы, неоплаченные долги и кружки, которые никто не выбросил.

Тарен перевернул дощечку и записал четыре имени отдельно.

К полудню список перестал помещаться на дереве. Тарен сбегал в маленькую мастерскую переплётчика и вернулся с обрезками грубой бумаги, нитью и шилом. Бумага была дорогой, но хозяин отдал её, услышав о пробном оттиске. Мальчик сшил листы по короткому краю. Получилась тонкая тетрадь, неровная и уже испачканная углём.

Илья записывал числа своими цифрами на полях. Ная рядом ставила местные. Они насчитали сто восемьдесят семь постоянных жителей на трёх нижних улицах, шестьдесят два временных и сорок один человек, приходивший работать днём. Дворцовый список содержал сто тридцать четыре имени глав домов.

За каждым именем главы пряталось от двух до одиннадцати человек.

Печать отзывалась у семидесяти трёх опрошенных. Двадцать один ничего не почувствовал. У остальных ощущения были слабыми или непонятными. Но различие проходило не между внесёнными и невнесёнными в список.

Оно проходило по другому признаку.

Тарен заметил первым. Он разложил листы прямо на ступенях и стал ставить рядом с именами знак раскрытой ладони. Почти все, кого потянуло к реке, утром ели хлеб из общей квартальной печи или набирали воду из одного из двух квартальных колодцев.

— Под крышей, — сказала Ная.

— Здесь нет одной крыши, — возразил Илья.

Она показала на дым, висевший над улицей, и на водостоки, сходящиеся в каменный жёлоб. В старом праве крышей называли не только кровлю дома. Общая печь, колодец и ночной сторож делали множество домов одним защищённым местом.

— Арден, — произнесла она.

Убежище.

Илья посмотрел на людей у печи. Смысл слова был не отвлечённым. Квартал давал воду тем, у кого сгорел дом, место у огня пришлым работникам, ночлег носильщикам, защиту детям, пока взрослые стояли на стене. Именно способность принимать чужого позволяла договору найти больше людей, чем значилось в списках.

Стог превращал обязанность укрывать в обязанность быть залогом.

— Спросите их, что означает «арден», — сказал Илья.

Ная встала посреди улицы. Она не показывала парное слово и не рассказывала о споре. Просто произносила «арден» и просила привести пример.

Ответы различались. Кем говорил о доме, где во время обстрела открывают подвал. Рава — о дороге к освещённым воротам, если заблудился. Старик — о чашке воды, которую нельзя отнять у раненого врага. Сапожник называл навес от града. Девочка лет восьми принесла треснувшую миску, под которой прятала подобранный птенца.

Никто не назвал столб, плен или человека, которого удерживают до уплаты чужого долга.

Тарен записывал примеры. Илья попросил повторять ответы простыми словами и проверять через жесты, правильно ли понял. Некоторые фразы приходилось отбрасывать: в них могло быть и убежище, и хранение вещи. Но чем длиннее становился список, тем уже делалось значение.

Ная перестала поправлять произношение Ильи. Она задавала новые вопросы сама.

Можно ли уйти из «арден»?

Да, когда минует опасность.

Можно ли привести туда другого?

Да, если он просит защиты и не несёт оружия.

Кому принадлежит человек внутри?

Себе, семье, богу, иногда хозяину по рабочему долгу — ответы были разными. Но никто не говорил: двум сторонам договора.

Можно ли держать его у межевого столба?

После этого вопроса люди переставали отвечать по одному.

Весть о пробном оттиске разошлась быстрее, чем они двигались. С верхних улиц пришли старшины. За ними — подмастерья, две повитухи, водоносы и женщина с перевязанной рукой. Каждый хотел проверить, попал ли в невидимую строку. Некоторые требовали немедленно идти ко дворцу. Другие боялись, что открытый шум даст Стогу повод закрыть ворота квартала.

Ная подняла зелёную пластинку над головой. Разговоры стихли.

— Только слова, — сказала она сначала на языке Ладена, потом повторила Илье по-русски. — Сегодня мы проверяем слова.

— Людей, — поправил Кем.

Ная опустила пластинку.

— Людей в словах, — согласилась она.

Она попросила выбрать пятерых свидетелей: двух постоянных жителей, одного временного, одного работника из другого квартала и человека, которого пробный оттиск не затронул. Не старшин по должности, а тех, кто сам испытал или не испытал действие. Люди спорили недолго. В пятёрку вошли Села Кер, старый отец Кема, Рава Тин, Лио Нер и сапожник из сгоревшего дома.

Сапожника звали Дор Васс. Он жил на Гончарном спуске шестой день, ел у общей печи и брал воду из колодца, но тяги не почувствовал. Это делало его важнее удобного подтверждения. Если они не понимали, почему печать выбрала одного и пропустила другого, нельзя было притворяться, что понимают всю строку.

— Ещё дети, — сказал Илья.

Ная посмотрела на девочку с птенцом.

— Не вести во дворец.

— И не нужно. Запишите, сколько их под именами домов. Возраст и кто отвечает за них. Кем назвал число по своей улице. Другой гончар — по соседней. Точного счёта не было. В осаду семьи переселялись ближе к печам и подвалам. Тарен с двумя местными подростками пошёл от двери к двери.

Илья хотел двинуться за ними, но Ная удержала его за локоть. С верхней площадки спускались шестеро дворцовых стражников. Впереди шёл Сай Рет.

Старик был без палочек первого и третьего голоса. На груди висел только знак Палаты. Он увидел толпу, листы на ступенях и пятерых свидетелей. Потом заметил спрятанную пластинку Наи.

— Мы проверили значение, — сказала она до того, как он успел спросить.

Сай ответил коротко.

— Проверка окончена.

Стражники не обнажали оружия, но двое встали у нижнего выхода, двое — у верхнего. Остальные направились к листам. Кем загородил им дорогу лопатой для печи.

Сай назвал его полным именем. Гончар вздрогнул: Палата знала список домов. Старик объяснил, что записи о договоре принадлежат княжеской канцелярии. Неутверждённое оглашение условий могло вызвать панику и помочь врагу.

Ная перевела Илье не всё. Он понял это по длине речи.

— Дословно, — потребовал он.

Она повторила. В конце оказалось ещё одно распоряжение: чужаку запрещалось задавать вопросы жителям без присутствия трёх голосов Палаты.

— Потому что ответы неправильные? — спросил Илья.

Сай выслушал перевод и покачал головой. Потому что ответы, собранные человеком без звания, нельзя приложить к заключению.

Илья поднял с камня тетрадь.

— Тогда не прикладывайте. Позовите этих пятерых и спросите снова.

Старик отказался. Палата заслушивает представителей сторон, а жители квартала стороной не являются.

Села Кер шагнула вперёд. Она была ниже Сая, в муке до локтей, с разбитыми пальцами. Заговорила спокойно. Ная переводила вполголоса:

— Когда печать зовёт мои ноги, я сторона. Когда Палата спрашивает мой рот, я не сторона. Какое из двух слов широкое?

Толпа загудела. Сай закрыл глаза на один вдох.

Он не был похож на человека, довольного ответом, который должен дать. Но всё же дал его: город является стороной целиком, князь говорит за город, Палата следит за точностью голосов.

— А кто следит за Палатой? — спросил Илья.

Ная перевела.

Сай посмотрел на неё, а не на Илью.

— Палата, — произнёс он.

Вот и весь замок. Ключ лежал внутри.

Стражник потянулся за тетрадью. Илья отступил. Вторая пара стражников двинулась от верхней площадки. Драться было бессмысленно. Он не удержит записи, только даст повод забрать людей вместе с ними.

Тарен вернулся в этот миг. Увидел стражу, замедлил шаг и спрятал руки за спину. При нём не было ни листов, ни угля. Двое подростков, ходивших с ним, исчезли в боковом проходе.

Мальчик громко сообщил Нае, что насчитал семьдесят четыре ребёнка младше двенадцати лет. Затем назвал улицы и повторил число. Кем подхватил его. Села повторила. Старик

у печи повторил тоже. Через несколько мгновений «семьдесят четыре» произносили десятки людей.

Стража могла забрать тетрадь. Число уже перестало ей принадлежать.

Илья протянул записи Саю сам.

— Здесь имена, — сказал он. — Если потеряете лист, люди назовут их снова.

Сай взял тетрадь двумя руками. Полистал, задерживаясь на знаках крыши, постели и солнца. Увидел четыре имени погибших у столбов. Его лицо изменилось.

— Откуда? — спросил он по-русски.

Илья указал на старого гончара.

Сай подошёл к нему. Они поговорили без переводчика. Старик у печи принёс кружку с отколотым краем. Поставил на ступень между собой и представителем Палаты. Сай коснулся кружки, но не поднял.

Потом он приказал стражникам не рвать записи.

Это была маленькая уступка. Следом пришёл запрет: Нае надлежало вернуться на заседание, Илье — в архивную комнату под охрану, Тарену — к обычной работе. Свидетелей во дворец не приглашали. Публичный опрос объявлялся нарушением порядка чтения.

— Заключение уже готово? — спросила Ная.

Сай ответил: большинство Палаты считает значения исторически совместимыми. Он голосовал за отсрочку, но проиграл. Стог потребовал окончательное чтение на закате следующего дня.

До него оставалось меньше полутора суток.

Ная вынула пластинку из-под ворота. Теперь зелёный знак выглядел не пропуском, а ошейником, который она сама снова застёгивала.

— Я должна идти, — сказала она Илье.

— Вы видели ответы.

— Видела.

— Что скажет второй голос?

Она посмотрела на Селу, на Лио и на девочку, всё ещё державшую миску над птенцом.

— Что «арден» не значит «карден».

Сай услышал парные слова. Он не сделал вид, что не понял.

— Тогда тебя сменят, — сказал он на местном языке.

— Значит, услышите это до смены.

Впервые Ная спорила с Палатой не ради более точного исполнения её правил, а против решения большинства. Голос у неё оставался ровным. Только пальцы, державшие пластинку, дрожали.

Стражники повели её вверх по спуску. Сай пошёл рядом с ней, не впереди. Тетрадь он спрятал под мантию.

Илью сопровождали двое. Тарену велели держаться отдельно, но мальчик обогнал их у первой лестницы и как бы случайно уронил моток нити. Пока один стражник ругался, Илья нагнулся помочь.

Под мотком лежал сложенный вчетверо лист.

Илья прижал его к ладони и спрятал в рукав. Тарен не посмотрел на него. Поднял нить и убежал к мастерским.

В архивной комнате Илью обыскали поверх одежды, заперли и поставили человека у двери. Лист остался в рукаве. Только когда шаги стихли, он развернул его на столе.

Тарен успел переписать не весь список. На листе были семьдесят четыре имени детей и значки домов. Внизу мальчик нарисовал общую печь, колодец и раскрытую ладонь. От ладони шла линия к реке.

Последняя строка была написана крупно, чтобы Илья смог разобрать знакомые формы без Наи.

Люди Гончарного спуска услышали «убежище».

Печать повела их как залог.

Илья положил свою отмеченную ладонь рядом с рисунком. Метка под кожей потемнела. За стеной дворца спорили голоса Палаты, но слов он не различал.

Теперь у него были имена, число детей и свидетельство Наи. Не было права войти на переговоры, права задавать вопросы и права приложить записи к заключению.

Стол сумел сделать опасными не только два слова.

Он сделал опасным самого человека, который просил сравнить их вслух.

Глава 6. Закрытое сословие

Дверь архивной комнаты открылась после заката.

Илья успел переписать детские имена дважды: местными знаками — как смог, и русскими буквами — как услышал их от Тарена. Оригинал он спрятал под нижнюю доску стеллажа. Копии разложил на столе. Если Палата войдёт с обыском, прятать сам факт списка было уже бессмысленно.

Вошли трое незнакомых толмачей. Зелёные мантии отличались оттенками, как будто ткань выцветала вместе со званием. У первого была почти чёрная, у женщины за ним — яркая, недавно окрашенная, у последнего — серая с зелёными швами. Ни Ная, ни Сай не появились.

Первый положил на стол свиток и назвал себя. Илья разобрал звание: старший хранитель голоса. Имя — Варс Эль — пришлось попросить повторить. Женщина была Леда Шай, писец внутреннего суда. Третий представился лишь знаком учебной ступени.

Они пришли не разговаривать, а объявить решение.

Леда читала медленно, делая паузу после каждой строки. Молодой толмач пересказывал Илье простыми местными словами, но не на русском. Проверка тоже была частью наказания: Палата показывала, что без неё он не способен даже понять собственный запрет.

Илья узнавал достаточно.

Ему запрещалось присутствовать при подготовке и оглашении мирного договора. Запрещалось обращаться к сторонам, свидетелям и жителям названных кварталов с вопросами о значении спорных слов. Запрещалось копировать формы большой печати и Книги сторон. Все сделанные записи следовало передать Палате.

За нарушение — удаление из архива и передача под военную стражу Велимира Стога.

В конце свитка оставили место для имени Ильи.

Варс подвинул ему перо.

— Я не подтверждаю, — сказал Илья на местном языке.

Молодой толмач поправил окончание. Илья повторил правильно.

Варс объяснил: имя означает не согласие, а то, что запрет услышан.

— Тогда напишите: услышал, не согласился.

Такой строки в свитке не было. Леда предложила приписать её на полях. Варс запретил. Они спорили над документом, который должен был доказать точность их ремесла, и не могли договориться, что означает имя под ним.

Илья взял перо. Рядом со свободным местом нарисовал знак различия, которым пользовался в своих записях, и написал по-русски: «Услышал запрет. Не признал жителей вещью договора». Только после этого назвал имя.

Свиток не засветился. Для магии не хватало второй стороны и общей печати. Варс всё равно поморщился, увидев незнакомую строку.

Толмачи собрали листы со стола. Имена детей Леда пересчитала, сверяя две копии. На пяти местных формах остановилась и исправила знаки. Илья запомнил исправления. Потом женщина спросила, откуда у него список, если опрос прекращён раньше подсчёта.

— Люди повторили имена.

— Кто записал?

— Я.

Это было правдой для лежавших на столе копий. Имя Тарена Илья не назвал.

Варс потребовал оригинал. Илья показал на два списка.

— Какой из них оригинал?

— Тот, который люди могут назвать снова.

Молодой толмач не понял. Леда поняла и не перевела старшему объяснение. Вместо этого свернула копии, завязала их красной нитью и поставила свою личную печать. Не уничтожила.

Когда они вышли, у двери остался военный стражник. Раньше Илью запирали архивный слугитель. Теперь угроза из свитка уже начала исполняться без всякой магии.

Ночь опустилась на дворец, но в зале Палаты продолжали ходить люди. Сквозь каменную стену доносились шаги, скрип скамей и повторяющиеся фразы. Одну Илья узнавал всякий раз: «арден и карден». Иногда между словами ставили союз, иногда произносили их как две формы одного корня. Толмачи упражнялись делать разницу неслышной.

Илья достал из-за стеллажа тетрадь с земными заметками. Фотография старой грамоты сохранилась: треснувший край, две колонки, поздняя приписка. Он увеличивал снимок, пока буквы не распались на тёмные квадраты. В земном архиве приписка казалась пояснением к давнему спору. Здесь она была следом будущего человека, который однажды увидит последствия строки и заставит договор измениться.

Кто написал её?

Когда?

Почему местная копия ещё не содержала запрета?

Илья мог принести фотографию на площадь. Но для людей Ладена она была рисунком на гладкой дощечке, сделанным чужаком. Стог назовёт её обманом. Палата — текстом без проверенного происхождения. И впервые эти возражения казались Илье не только удобной защитой власти. В своём университете он сам потребовал бы знать, где хранится оригинал, кто описал фонд, не менялось ли изображение.

Правильный вопрос мог служить плохому делу и всё равно оставаться правильным.

Поэтому ему требовалась не вера в фотографию, а местная цепочка доказательств.

Он выписал на отдельный лист всё, что уже было известно. Семь прежних применений. Четверо погибших. Бытовое значение «убежища». Действие пробного оттиска. Разные корни слов в двух столбцах. Поздняя приписка земной грамоты.

Последний пункт он перечеркнул. Пока это не доказательство для города, а подсказка, где искать.

Около полуночи за дверью заговорили. Стражник ответил. Послышался голос Наи, затем более резкий мужской. Засов не сдвинулся.

— Ная! — позвал Илья.

Разговор оборвался.

Она сказала несколько слов через дверь. Илья разобрал только «второй голос» и «решение».

— Вы сказали им?

— Сказала.

— И что?

— Завтра другой второй голос.

Сай оказался прав. Палата сменила её до окончательного чтения.

Стражник потребовал отойти. Ная попросила передать Илье еду, но ей отказали войти. Через щель под дверью протолкнули плоскую лепёшку и кружок сыра. Илья поднял их. На нижней стороне лепёшки ногтем было нацарапано три коротких знака.

Север. Полка. Семь.

Он не подал вида, что прочитал. Поблагодарил и дождался, пока шаги Наи стихнут.

Северная стена комнаты была заставлена книгами распоряжений. Полки не нумеровались привычными цифрами: на каждой стоял знак положения руки. Седьмой сверху Илья не достал бы без лестницы. Он придвинул табурет, поставил на него ящик и поднялся.

На полке лежали свитки о торговой пошлине. Илья ощупал заднюю стенку. Один камень оказался холоднее остальных и слегка качнулся. За ним была узкая ниша.

В нише стояли три книги в кожаных переплётках.

Илья снял их и разложил на полу. Первая содержала пары слов с рисунками. Вторая — примеры договорных формул. Третья была собрана из листов разного возраста: старые края обрезаны, новые страницы пришиты более светлой нитью. На обложке повторялся знак раскрытой ладони.

Словари.

Ная не могла передать их в руки под стражей, поэтому передала место.

Илья начал с первой книги. Он искал знакомые рисунки крыши, щита, столба и кольца. Язык словаря был старым, окончания отличались, но устройство напоминало учебные списки: слово, жест, вещь, пример употребления.

«Арден» сопровождали крыша и две раскрытые ладони. В примере раненый путник входил в дом, оставляя оружие у двери. Следующая форма обозначала право попросить воды. Ещё одна — обязанность хозяина не выдавать гостя до рассвета.

«Карден» нашёлся через двадцать страниц. Рядом были столб, замкнутое кольцо и связка мерных гирь. Примеры говорили о товаре, который остаётся у кредитора, пока долг не уплачен; о лодке, удерживаемой в порту; о человеке, которого сторона оставляет как обеспечение слова.

Ни один рисунок не совпадал.

Илья переписал номера страниц и формы окончаний. Потом заставил себя проверить обратное: не встречается ли «арден» в значении залога в других местах. Он листал книгу от начала до конца, отмечал похожие корни, сравнивал знаки. Один пример оказался опасным: дом давал «арден» за долг семьи. Но рисунок показывал не людей, а крышу, временно переданную кредитору. Даже там слово сохраняло значение места защиты, а не тела заложника.

Во второй книге нашлась формула из проекта перемирия.

Она была записана тремя почерками. Самая старая строка связывала два пограничных святилища: обе стороны обещали не входить туда с оружием. Позднее над словом «арден» поставили маленький знак допустимого имущества. Ещё позже на полях появилось «карден» соседнего языка.

Кто-то превратил перевод в постепенную лестницу. Убежище могло быть домом. Дом мог отвечать имуществом. Имущество могло служить залогом. Значит, убежище объявляли залогом — хотя первый и последний смысл никогда не стояли рядом в одном живом примере.

Илья знал этот приём по земным спорам о старых текстах. Если взять цепь переносных значений и убрать промежуточные ступени, можно доказать почти что угодно. Только словарь хранил швы.

На последнем листе формулы стояло имя переписчика: Элар Весс. Дата была местной, но Илья узнал знак правления прежнего князя. Рядом другой рукой приписали: «По случаю у Трёх Ив применять к месту, не к людям».

Случай у Трёх Ив мог быть одним из семи.

В третьей книге хранились не значения, а разногласия Палаты. На каждой странице два или три голоса приводили свои толкования, после чего старший ставил решение. Большинство дел было скучным: мера зерна, срок навигации, право пасти скот. Именно скука делала книгу ценной. Палата веками записывала, что перевод не падает с неба и не живёт в одном знаке. Люди спорили, ошибались, меняли решения.

На странице с раскрытой ладонью Илья нашёл имя Элара Весса.

Тот возражал против применения «карден» к жителям. Двое других голосов считали, что князь вправе отвечать подданными так же, как отвечает городской казной. Решение оставили временным до следующего мирного договора.

Следующий договор повторил формулу. Временное толкование стало примером. Через два договора пример назвали обычаем.

Илья перевёл дыхание. Перед ним была не древняя истина, которую нельзя оспорить, а история последовательных уступок. Каждую делали ради конкретного перемирия. Каждая следующая ссылалась на предыдущую как на правило.

В конце книги несколько страниц были вырезаны.

Срез оставался светлым. Их удалили недавно.

Илья приложил к обрезанному краю тонкий лист и боком провёл углём. На соседней странице проступили вдавленные следы письма. Так в земном архивном кружке они показывали школьникам, почему нельзя писать на документах, подложив их под черновик. Здесь кто-то тоже давил пером достаточно сильно.

Он различил имя Элара и знак четырёх смертей. Ниже шла знакомая пара слов. Последнюю строку разобрать не удавалось.

Илья работал до тех пор, пока в коридоре не сменился караул. Перед рассветом вернул книги в нишу. Копии спрятал в разных местах: одну под одеждой, вторую между листами земной тетради, третью — в щели за столом. Если обнаружат тайник, Ная потеряет последнее доверие Палаты. Если он ничего не вынесет из находки, её риск окажется напрасным.

Утром принесли воду и новую одежду — серую рубаху без пояса. Военный стражник велел готовиться к разбирательству.

Илью повели не в суд, а в круглый зал Палаты. Здесь не было возвышения для князя. Скамьи поднимались шестью ярусами, на стенах висели белые и чёрные палочки прежних голосов. В центре стоял пустой стол с двумя текстами договора.

На первом ярусе сидели двадцать семь толмачей. Ная находилась среди них без зелёной пластинки. Сай — на верхнем ряду. Варс Эль занял место у стола.

За спиной Ильи остались два солдата Стога.

Варс объявил, что Палата рассматривает не значение спорных слов — его уже определило большинство, — а нарушение чужаком порядка проверки. Затем перечислил проступки: опрос жителей, разглашение прежних случаев, составление списка лиц, не признанных сторонами, и попытка повлиять на второй голос.

— Я не влиял на второй голос, — сказал Илья.

Варс кивнул Нае.

Она встала.

— Влиял, — произнесла по-русски.

В зале зашептались. До этого Илья слышал от неё русские слова только в узких комнатах. Теперь она открыто показала, что чужак и второй голос могли говорить без контроля остальных.

— Ты показал пробный долг. Показал ответы жителей. Показал четыре имени. После этого я изменила решение.

— Значит, Палата считает влиянием новый факт?

Ная перевела вопрос. Варс ответил, что голос обязан получать сведения установленным путём. Иначе любой человек на площади сможет подобрать удобные примеры и принудить толмача страхом толпы.

Возражение снова было не пустым. Илья вспомнил, как люди повторяли число детей, как Кем держал лопату перед стражей. Толпа могла защищать право быть услышанной, а могла заставить услышать только себя.

— Поэтому мы записывали и тех, кого печать не потянула, — сказал он. — Дора Васса. Раву Тин. Не только удобные ответы.

Леда Шай подняла изъятую тетрадь. Подтвердила: различия записаны.

Варс раздражённо спросил, кто позволил ей оценивать сбор сведений.

— Моё звание писца, — ответила она.

По залу прошёл короткий смешок. Закрытое сословие спорило с чужаком, но внутри него тоже не было одного голоса.

Ная продолжила показание. Она защищала не Илью, а запрет. Без обучения нельзя допускать человека к большой печати. Ошибка в падеже уже приковала Горана Теша к кредитору; ошибка в названии стороны способна связать весь город. Илья не владеет обоими языками, не знает обрядовых форм и путает окончания. Его присутствие за столом переговоров опасно.

Он слушал и чувствовал, как каждое точное обвинение закрывает перед ним дверь.

Потом Ная сказала:

— Поэтому Палата обязана проверить его сведения сама. По своим правилам. С пятью свидетелями, двумя независимыми писцами и открытым повтором вопросов. Если мы запрещаем чужаку спрашивать и сами не спрашиваем, мы охраняем не точность. Мы охраняем тишину.

Варс ударил белой палочкой по столу.

Ная села. На Илью не посмотрела.

Сай попросил слово. Он подтвердил семь прежних случаев и четыре смерти. Признал, что рассказал о них Илье. Затем предложил допустить чужака не как голос и не как участника переговоров, а как немного наблюдателя за сверкой письменных форм.

Голосовали деревянными пластинками. За предложение Сая легло девять белых. Против — шестнадцать чёрных. Двое воздержались.

Запрет остался.

Палата постановила вернуть Илью под архивный надзор до окончания договора. На площадь его не допустят. Ная лишалась места второго голоса и права работать с большой печатью до отдельного разбора. Новым вторым голосом назначили Варса Эля.

Илья посмотрел на две палочки в его руках. Старший хранитель собирался читать один столбец и проверять другой сам с собой.

— Это и есть независимые голоса? — спросил Илья.

Варс объяснил, что он назначит помощника.

— Который зависит от вас.

— Который дал клятву Палате.

— Ная тоже дала.

Ответа не последовало.

Солдаты вывели Илью первым. В коридоре пришлось ждать, пока принесут свиток решения. Ная вышла позже под охраной служителей Палаты, не военных. На ней осталась зелёная мантия, но светлый прямоугольник на груди показывал, где прежде висела пластинка.

Они поравнялись всего на несколько шагов.

— Северная полка, — тихо сказал Илья по-русски. — Я понял.

— Не называй.

— Там вырезаны страницы.

Она сбилась с шага.

Служитель поторопил её. Ная повернулась к Илье будто для прощания и быстро поправила ворот его серой рубахи. Пальцы коснулись шеи, задержались на миг и исчезли.

Под тканью осталась тонкая костяная пластинка размером с ноготь.

На одной стороне был знак убежища. На другой — имя Элара Весса и число семь.

— Старые словари лгут меньше новых людей, — произнесла Ная по-русски. — Но тоже проверяй.

Её увели к внутренней лестнице.

Илью повели обратно в архив. Теперь он знал, откуда выросла спорная формула, видел запись несогласного толмача и мог доказать, что обычай начался как временная уступка. Но все

доказательства лежали в книгах Палаты, к которым ему запрещали прикасаться. Даже костяная пластинка могла стать обвинением Наи в краже.

У двери архивной комнаты ждал новый замок. Стражник открыл его большим железным ключом.

Внутри всё перевернули. Стеллажи отодвинули, стол разобрали, доски пола подняли. Оригинальный список детей исчез. Тайник в северной стене зиял пустотой.

На столе лежала только земная тетрадь Ильи.

Фотография грамоты была удалена.

Он листал изображения, надеясь, что ошибся, но между снимком описи и фотографией сургучной печати оставалось пустое место. Кто-то научился стирать рисунки с его дощечки или заставил сделать это архивную магию. Вместе с фотографией пропала единственная видимая связь с земным оригиналом.

Зато в щели за ножкой стола уцелела угольная копия вдавленных строк.

Илья развернул её на ладони. Свет из коридора падал косо, подчёркивая слабые буквы. Теперь последняя фраза читалась лучше.

«Если место укрывает человека, место не может отдать его как вещь».

Под фразой стояло имя Элара Весса.

Закрытая Палата забрала словари, страницу, фотографию и право говорить на переговорах. Но её собственный прежний голос оставил правило, которое кто-то счёл нужным вырезать.

Илья спрятал пластинку Наи в шов рубахи.

Ему оставалось найти живого человека с другой стороны договора — того, кто прочтёт «карден» не по лестнице придворных значений, а так, как это слово понимают за рекой.

В темнице под дворцом сидел Орс Дален.

Глава 7. Пленный грамматик

До темницы было три лестницы вниз и ни одной двери, которую Илья мог открыть сам.

Он понял это ещё до полудня, когда попросил нового стражника отвести его к Орсу Далену. Сначала произнёс имя пленного, потом показал на пол, изобразил решётку и раскрыл ладони: говорить, не выпускать. Стражник выслушал, отступил за порог и запер дверь архивной комнаты снаружи.

Второй раз Илья попробовал через еду. На деревянной миске углём нарисовал два столбца, между ними — знак различия. В одном написал местное «арден», в другом по памяти вывел чужое «карден». Ниже поставил имя Орса. Когда служитель забирал пустую миску, Илья повторил просьбу медленнее.

Служитель побледнел и соскоблил надпись ножом.

К полудню Илья перебрал всё, что оставили после обыска. Обломок угля, три листа, земную тетрадь без фотографии, тупой нож для нитей и кружку. Костяная пластинка Элара Весса по-прежнему лежала в шве рубахи. Угольная копия вырезанной страницы была спрятана под стелькой. Доказательства можно было вынести, но некому было их показать.

За окном внутреннего двора менялся караул. Солдаты Стога заняли обе галереи, ведущие к Палате. На площади проверяли помост для завтрашнего оглашения: два писца разворачивали длинные полотнища, рабочие укрепляли стол, оружейник примерял к нему оправу общей печати. До окончательного чтения оставался день.

Илья постучал кружкой в дверь.

— Вода, — сказал он.

Стражник отодвинул глазок.

Илья поднял пустую кружку. Когда засов заскрежетал, он сел на пол у дальней стены и положил руки на колени. Стражник вошёл вместе со служителем, который нёс кувшин. За ними осталась открытая дверь.

На этот раз Илья не попросил ничего. Он дождался, пока воду нальют, и спросил имя служителя.

Тот удивился, но ответил:

— Улен.

Илья повторил, проверяя окончание. Затем назвал своё имя, хотя они встречались уже трижды. Показал на дверь, потом на Улена.

— Если ты выйдешь, дверь удержит тебя здесь?

Улен посмотрел на стражника. Тот усмехнулся и перевёл вопрос проще. Служитель ответил: нет, разумеется.

Илья нарисовал пальцем на пыльном полу квадрат дома. Внутри — человечка. Над крышей написал «арден». Человечек вышел из квадрата.

— Может?

— Может.

Рядом он нарисовал круг, провёл через человечка верёвку к столбу и написал «карден» чужими буквами.

Улен перестал улыбаться.

— Это не наше слово.

— Поэтому мне нужен человек, чьё это слово.

Стражник велел прекратить. Илья стёр рисунки ладонью, но успел заметить: солдат смотрел не на чужую надпись, а на верёвку между человеком и столбом. Значение было знакомо и ему.

— Ты охранял пленных у реки? — спросил Илья.

Стражник ухватил его за плечо и поставил на ноги. Ответа не дал. Улен вынес кувшин, дверь закрылась.

Через несколько минут за ней начался спор. Илья разобрал только отдельные слова: запрет, пленный, полководец, суд. Голос Улена звучал тоныше, но упрямее. Потом шаги удалились.

Он не знал, помог ли вопрос или сделал встречу невозможной.

На исходе полудня замок снова открыли. Вошла Леда Шай, писец внутреннего суда. На ней была та же ярко-зелёная мантия, в руках — опечатанная тетрадь Ильи и узкая дощечка для распоряжений. За дверью стояли двое дворцовых стражников, не люди Стога.

— Ты подал прошение о проверке слова, — сказала она.

— Я рисовал на миске.

— Миска стала прошением, когда её принесли писцу.

— И что решил писец?

— Писец не решает. Писец записывает, кто решил не решать.

В её местной речи Илья понял не все слова, но смысл был ясен. Леда положила на стол дощечку. На ней перечислялись условия: разговор только при свидетеле, без общей печати, без передачи письменных знаков пленному, без обещаний освобождения, обмена или защиты. Ответы Орса не признавались показанием до отдельного разбора.

Внизу оставалось место для имени Ильи.

— Палата разрешила?

— Палата ещё голосует, можно ли тебе задавать вопрос. Начальник темницы разрешил мне проверить состояние пленного перед завтрашним чтением. Ты пойдёшь как человек, который однажды заметил ошибку в его обвинении.

— А слово?

— Я не могу запретить тебе произнести то, чего не понимаю.

Леда протянула перо. Илья приписал рядом с местом для имени: «Условия услышал; ответы будут записаны полностью, включая отказ отвечать». Она прочла, чуть заметно кивнула и позволила ему расписаться.

Его руки связали спереди мягкой верёвкой. Так дворцовая охрана показывала, что ведёт не пленника, а человека под запретом. За первой лестницей воздух стал холоднее, за второй пахло мокрым камнем и золой. На третьей ступени стёрлись посередине: здесь часто носили тяжёлое.

Темница находилась под старым крылом дворца. В коридоре не было факелов, только масляные плашки в нишах. Двери делали из дубовых досок, окованных полосами железа. На каждой висели две бирки: имя пленного на местном языке и вражеская форма, переписанная рукой толмача.

Бирка Орса висела криво. Местная половина называла его «Орс Дал», чужая — «Орс Дален». Отброшенное окончание уже однажды превратило писца из посланника в лазутчика.

Леда заметила взгляд Ильи, сняла бирку и перевесила ровно.

— Это не исправляет текст, — сказал он.

— Зато не даёт привыкнуть к кривизне.

Начальник темницы открыл глазок. Орс сидел у стены, подтянув колени. Со дня суда он осунулся. На скуле пожелтел синяк, правая кисть была обмотана тряпкой. Рядом лежали миска, соломенный тюфяк и две щепки, сложенные крестом.

Увидев Илью, Орс поднялся. Сказал быстро, сердито. Илья узнал своё имя и слово, похожее на «обманщик».

— Он думает, что ты был частью суда, — пояснила Леда.

— Ты понимаешь его язык?

— Настолько, чтобы заказать хлеб и начать войну. Для суда мало.

Леда вошла первой. Начальник оставил дверь открытой и встал на пороге. Второй свидетель, седой тюремный лекарь, сел в коридоре снаружи. Условия соблюдались буквально: двое видели разговор, но один слышал лишь половину, другой не слышал почти ничего.

Илья остановился в трёх шагах от Орса и назвал себя. Потом медленно повторил ту фразу, которой остановил казнь: место на обвинительной бирке не совпадает с местом на пропуске.

Орс нахмурился. Показал на Илью, на дверь, провёл ребром ладони по горлу и вопросительно поднял брови.

— Нет, — ответил Илья. — Не я приказал тебя убить.

Слова Орс не понял. Тогда Илья нарисовал пальцем на своей шее линию, покачал головой и указал вверх — на суд. Затем показал два пальца, как два столбца, и развёл их в стороны. Несовпадение. После этого коснулся бирки на двери.

Орс долго смотрел. Наконец произнёс несколько коротких фраз, медленно, отделяя слова. Илья узнал «два», «имя» и «ложь». Пленный считал, что в Ладене у каждого человека два имени: одно для жизни, второе для приговора.

Это было слишком близко к правде, чтобы спорить.

Илья показал связанные руки, потом верёвку на запястьях Орса. Указал на себя и на него: сейчас оба не свободны. Затем на Леду и лекаря: они видят. Убрал руки от верёвки и раскрыл ладони — не причинит вреда.

Орс сел. Не потому, что поверил, а потому, что решил слушать.

Писать чужие слова Илье запретили. Он попросил миску и четыре щепки. Начальник темницы хотел отказать, но Леда напомнила, что в условиях запрещена передача письменных знаков, не предметов. Миску поставили между ними.

Илья положил внутрь одну щепку, накрыл миску ладонью, затем вернул щепку Орсу. Повторил действие и назвал местное «арден». Показал на стены камеры, на открытую дверь и сделал шаг наружу. Место укрывает, человек может уйти.

Орс усмехнулся. Взял щепку, поставил её под край миски, отчего посуда закачалась. Произнёс другое слово.

Илья повторил. Орс поправил звук, заставив коснуться языком зубов. Это слово не было «карден». Он показал на камеру и на свою грудь: тюрьма, пленник.

Первое различие. Плен не равен залогу.

Илья положил две щепки по разные стороны миски. Одной дал костяную пуговицу со своей рубахи, второй — медную застёжку, которую Леда сняла с дощечки. Щепки обменялись вещами. Потом одна забрала пуговицу назад, а застёжку не вернула. Илья постучал пальцем по краю миски, изображая спор.

Орс следил внимательно. Взял пятую щепку из тюфяка и поставил между сторонами. Пуговицу отдал ей. Произнёс:

— Карден.

Слово прозвучало твёрже, чем в устах толмачей Палаты. Не «карден» с почти проглоченным первым согласным, а «кхарден», с коротким выдохом.

Илья показал на пуговицу.

— Карден?

Орс кивнул.

Илья показал на щепку-посредника.

Орс покачал головой, забрал пуговицу у средней щепки и положил под неё саму щепку. Снова сказал:

— Карден.

Залогом могла быть вещь. Мог быть человек.

Илья выстроил на ладони три маленьких щепки, обозначая кварталы. Накрыл их общей миской, как крышей. Другой рукой поставил две длинные щепки по сторонам: Ладен и соседняя держава. Стороны пожали друг другу воображаемые руки. Потом одна нарушила мир — сбила пальцем чужую застёжку.

Что происходит с теми, кто под миской?

Орс понял не сразу. Он повторил расположение предметов сам, указал на три щепки и спросил слово. Илья назвал по очереди Гончарный спуск, Южные дворы и Старый лён. Названия Орс узнал. Его лицо изменилось.

Он взял верёвку со своих запястий, обмотал ею три щепки и передал конец победившей стороне. Потом провёл большим пальцем по горлу одной, другую положил в карман, третью заставил шагать двумя пальцами по полу. Говорил медленно, повторяя ключевые слова.

Леда перестала записывать местные пояснения. Она смотрела на верёвку.

Илья указал на открытую дверь, затем на связанные щепки. Могут ли люди отказаться и уйти?

Орс рассмеялся без веселья. Встал, шагнул к двери. Начальник темницы тут же выставил копьё. Орс поднял связанные руки и повторил слово:

— Карден.

Потом добавил другое. Илья попросил повторить. Орс произнёс по слогам и показал на конец верёвки в руке стороны.

Леда знала это слово. Тихо сказала:

— Право увести.

— Ты уверена?

— В торговых книгах так пишут о скоте и лодках. Я не знала, что о людях тоже.

Орс услышал знакомое слово, резко повернулся к ней и заговорил. Леда подняла ладонь: медленнее. Они обменялись несколькими короткими вопросами, каждый раз помогая предметами. Орс указал на себя, потом на север, за реку, показал семь пальцев и сложил руки, будто держал перо.

— Он видел такие договоры, — сказала Леда. — Семь?

Орс ударил кулаком в ладонь. Отрицание. Показал семь ещё раз, потом перечеркнул два пальца.

— Пять, — догадался Илья.

Пленный кивнул. Пять договоров. В одном людей действительно увели.

Илья выложил четыре щепки, вспомнив погибших у Трёх Ив. Орс покачал головой и положил рядом ещё две. Шесть. Затем показал пальцем вниз — не смерть, а место? Начал копать воображаемую землю, потом надел на шею невидимый хомут.

— Рудник, — сказала Леда.

Орс подтвердил. Людей, переданных как залог, увели на рудник. Право стороны было не просто удержать их у столбов до исправления строки. Их можно было использовать, обменять, а при нарушении — лишить жизни или свободы в пределах договора.

Илья почувствовал, как холод камеры пробирается под рубаху. В Палате говорили о широте значения, о древнем обычае, об ответственности князя за город. Здесь значение помещалось в нескольких щепках и верёвке. Один нарушил. Другой получил людей.

Он достал бы угольную копию слов Элара, но условия запрещали передавать письменные знаки. Вместо этого поставил миску крышей над щепкой, потом попытался передать спрятанного человека другой стороне. Покачал головой. Повторил: если место укрывает человека, место не может отдать его как вещь.

Орс слушал не слова, а движения. Вытащил щепку из-под миски сам и передал другой стороне.

— Если человек выйдет добровольно? — спросила Леда.

Илья кивнул.

Орс произнёс новую форму «карден», затем указал на щепку и на свою грудь. Назвал имя. Коснулся пола обеими ладонями, словно печати.

Илья повторил последовательность: человек выходит, сам называет себя, слышит условие, касается печати. Тогда он может стать залогом по собственному согласию?

Орс подтвердил.

Илья вернул щепку под миску и показал на все три квартала сразу. Ни имён, ни выхода, ни отдельного касания.

Орс оттолкнул миску. Посуда покатилась по камням, начальник темницы шагнул внутрь. Пленный выкрикнул длинную фразу, в которой Илья различил «ложь», «воин» и имя Стога.

— Он знает полководца? — спросил Илья.

Леда задала вопрос. Орс ответил короче. Поднял два пальца, показал сначала на глаза, потом на перо, потом провёл большим пальцем по краю ладони, как по строке.

— Он видел две редакции, — перевела Леда. — Одну до встречи со Стогом и одну после. В первой кварталы...

Она замолчала, подбирая слово.

Орс вернул миску на место. Три щепки оставил под ней, две длинные отодвинул. Сложил ладони крышей и произнёс местное слово с сильным акцентом:

— Арден.

В первой редакции кварталы были убежищем.

Во второй он обвязал щепки верёвкой.

Илья спросил, кто изменил текст. Орс коснулся пера, затем своей груди. Он переписал. Потом показал копьё начальника темницы и приставил два пальца к горлу.

Под угрозой.

— Почему он оказался в Ладене? — спросила Леда.

Ответ занял несколько минут. Орс рисовал пальцем на полу дорогу, ворота, стол переговоров. Он должен был привезти второй столбец для предварительной сверки. У ворот его пропуск называли поддельным из-за окончания имени. Стража Стога забрала свиток. В суд передали другую бумагу, где Орс обозначили разведчиком у северной башни. Если бы Илья не заметил несовпадение мест, писца казнили бы до большого чтения.

Стог убирал единственного человека в Ладене, который видел обе редакции.

— Где первая? — спросил Илья.

Орс показал на подошву.

Начальник темницы приказал ему снять сапоги. В левом ничего не оказалось. Под стелькой правого лежал только войлок. Орс рассердился, потребовал вернуть обувь и несколько раз показал не на свой сапог, а наверх.

— Он не прятал её в сапоге, — сказала Леда. — Он поставил на ней знак ноги.

Илья вспомнил бирки торговых дел. След ноги обозначал дорожную копию — текст, который гонец хранил отдельно от парадного свитка. Он спросил о багаже.

Орс показал два тюка, связанных вместе. Стража забрала их у ворот. Один отправили во дворец, второй — на склад у северной заставы. Дорожная копия была в деревянной раме тюка, под кожаной накладкой.

Леда записала местонахождение, затем закрыла тетрадь.

— Этого достаточно.

— Нет, — сказал Илья. — Нужно записать значение его словами.

— Я записала предметы и действия.

— На каком языке?

Она поняла. Если в протоколе останется только местный пересказ, Палата снова объявит спор переводом. Свидетельство о значении чужого слова превратится в значение, выбранное местным писцом.

Письменные знаки передавать пленному запрещалось. Но запрет ничего не говорил о том, что уже находится в камере.

Илья поднял две щепки. Одну сломал пополам и заострил. Попросил у лекаря чашку с водой, размочил золу у плошки и сделал густую серую кашу. Орс наблюдал, затем усмехнулся и выдернул из тюфяка ровную соломинку.

Леда вынула из тетради чистый лист.

Начальник темницы перегородил ей путь.

— Передача письменных знаков запрещена, — напомнил он.

— Передача пленному, — ответила Леда. — Лист останется у суда. Писать будет при двух свидетелях.

— Приказ Палаты...

— У тебя есть приказ Палаты не записывать состояние пленного?

Такого приказа не было. Начальник отступил, но оставил копьё поперёк двери.

Орс сел на корточки. На верхней половине листа вывел чужое слово. Рядом нарисовал вещь на верёвке, затем человека с названным именем. Ниже записал две короткие строки. Каждую прочитал вслух. Леда попыталась повторить, он трижды исправил её произношение.

Илья попросил Орс объяснить строки предметами. Первая означала: залог остаётся у принимающей стороны, пока обещание не исполнено. Вторая: если обещание нарушено, принимающая сторона вправе увести залог и распорядиться им в названных пределах.

Пленный добавил третью строку сам. Для живого человека требуются его имя, отдельное согласие и прикосновение к печати. Имя места не заменяет имена людей.

Под текстом Орс написал своё полное имя. Потянулся было поставить отпечаток пальца в зольной краске, но Илья остановил его.

— Без печати, — сказал он. — Сейчас это свидетельство, не договор.

Слова Орс не понял, зато увидел, как Илья отодвинул чашку. Пленный посмотрел на свои пальцы, на лист и медленно кивнул. Подписи было достаточно.

Леда посыпала строки сухой золой и свернула лист чужим текстом внутрь. Перевязала нитью, но печать не поставила.

— Почему без печати? — спросил Илья.

— Потому что моя личная печать подтвердит только, что я владею листом. Палата скажет, что этим я приняла его перевод. Пусть сперва двое прочтут вслух и поспорят при Орсе.

Это был первый осторожный поступок закрытого сословия, который Илья не хотел ломать. Леда не прятала свидетельство и не делала вид, будто поняла больше, чем поняла. Она сохраняла возможность проверить.

Орс сказал что-то ей вслед. Писец остановилась.

Он показал на завтрашний помост — туда, где над ними находилась площадь, — потом на себя.

— Хочет говорить на чтении? — спросил Илья.

Леда задала уточняющий вопрос. Орс покачал головой. Изобразил связанную шею, чужое знамя и преклонённое колено. Затем перечеркнул.

— Он даст показание, если его не заставят присягнуть Ладену, — сказала она. — Не станет менять сторону ради права сказать, что слово его языка означает то, что оно означает.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.